

*Шнайдер Владимир
Шнайдер Герман*

*Книжная серия
«Имена Алтая»*

выпуск шестой

ББК 83.3(2Рос-Рус)6-8
Ш-76

12+

Пётр Бородкин

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Редакционный совет:

О. Ф. Гришко, писатель; Е. Н. Ишутина, заведующая культурно-просветительским отделом Алтайского государственного краеведческого музея; М. В. Кургалина, журналист;

Шнайдер В. А., Шнайдер Г. В.

Ш-76 Пётр Бородкин : биографический очерк. — Барнаул, 2018. — 112 с.

ISBN

Очерк написан и издан к 100-летию со дня рождения известного сибирского писателя Петра Антоновича Бородкина (1918 – 1986 гг.)

ББК 83.3(2Рос-Рус)6-8

Все права защищены Законом РФ об авторских и смежных правах. Перепечатка текста или любой его части без согласования с авторами запрещена.

ISBN

© Шнайдер В. А., Шнайдер Г. В.

Барнаул
Алтайский дом печати
2018

Оглавление

ГЛАВА I	5
ГЛАВА II	10
ГЛАВА III	27
ГЛАВА IV	47

ГЛАВА I

Биографию любого человека принято начинать с его родителей. Кто они, откуда и так далее. А ещё лучше – с дедов и прадедов. Но это в идеале, потому как далеко не в каждой семье хранятся документы о дедах и уж тем более прадедах. Брать за основу устные предания не хочется – они, в основном, состоят из домьслов. Но, тем не менее, некоторую устную информацию использовать необходимо, чтобы совсем корни не оборвались.

Дед Петра Антоновича Бороджина, Андрей Павлович Бороджин, был родом из-под Воронежа. В детстве, благодаря любознательности и умению находить к людям подход, выучился грамоте у местного дьяка. Со временем отточил чтение и письмо до такой степени, что сумел пристроиться писарем в Воронеже. Для крестьянского сына это был невиданный прорыв. Место писаря в те далёкие годы среди простонародья считалось весьма престижным – постоянный заработок. К тому же писарь, оказывая различные услуги по составлению прошений, написанию писем и тому подобного, имел неплохой приработок. А рассчитывались с писарем кто чем мог – кто денежкой, кто продуктами, кто отрезом материи на рубаху. Одним словом – что имели, тем и благодарили за труд. Иными словами, должность писаря позволяла жить в среднем достатке – не шиковать, но и не бедствовать. Всех своих детей Андрей Павлович научил грамоте, точнее сказать, азам – писать и читать. Пользуясь обширными знакомствами среди мастеровых, по мере взросления детей пристраивал их к делу и женил или выдавал замуж.

Отец Петра Антоновича, Антон Андреевич, родился 10 июля 1882 года¹ и по достижении отрочества был отдан в подмастерья к маляру. Будучи ребёнком смышлённым и расторопным, Антон быстро освоил ремесло и уже в юношеском возрасте стал работать с мастером на равных. Но, как говорится в семейных преданиях, душа у Антона Андреевича лежала к другому ремеслу, не малярному. И в подростковом возрасте ему удалось побывать в учениках у портного. Ему нравилось работать иголкой и ножницами, да и портновское дело казалось ему чище и прибыльней, нежели малярное. Маляры заняты только в сезон, на зиму стройки замирают, а рубахи и портки нужны круглый год. Так и вышло, что успел Антон освоить азы кройки и шитья, но идти дальше по этой линии у него не получилось. То ли конкуренция в профессии была большая, то ли с заказчиками не повезло, но пришлось ему снова брать в руки кисти и краску.

Собственный заработок давал возможность Антону считаться самостоятельным человеком, независимым от родителей. Андрей Павлович на самостоятельность сына смотрел с иной стороны – чтобы сын не разбаловался, его нужно женить. И стал подыскивать хорошую партию. Под «хорошей» партией подразумевалась невеста с приданым. Но судьба распорядилась иначе – Антон влюбился в девушку-сироту Марию. И что бы отец ни говорил, как бы ни строжился, Антон от своего выбора не отказался. Избранница Антона Мария Касьяновна родом из уездного города Сураж (вот только какой губернии – Черниговской или Вятской, нам установить не удалось) родилась 25 февраля 1885 года. В семь лет осталась сиротой и, как тогда говорили, пошла по людям – у кого в няньках работала, у кого в прачках.

Для молодой семьи, скитавшейся по съёмным углам с грудным ребёнком, деньги были вопросом первой важности. Воронеж, конечно, город крупный, но мастеровых там

¹ Здесь и далее даты до февраля 1918 приведены по старому стилю.

было много, и найти работу отцу небольшого семейства было трудно. Возвращаться же в деревню Антон Андреевич не хотел. На земле тоже первичный капитал был нужен – дом, скотину купить. А Бородкины сбережений не имели.

И в это время Антон услышал о благодатной алтайской земле, где хлеба встают в пояс, о городе Барнауле, в котором, со слов товарищей, мастеровых людей мало, а работы невпроворот. А тут как раз вышел закон, дававший крестьянам право переселяться на окраины империи. Знак судьбы, иначе не назовёшь. Собрав родственников, Антон Андреевич предложил переселиться. Долго ли, коротко обдумывали Бородкины, о том нам неизвестно. На Алтай собрались четыре семьи Бородкиных: Антон Андреевич с Марией Касьяновной, его братья Николай и Павел Андреевичи с семьями и родной дядя – Федот Павлович Бородкин с семьёй. Дорога была, конечно, дальняя, долгая и трудная. Но облегчало то, что в Сибирь из европейской части России, в те годы переселялось много народа. В одиночку трудно, а когда коллективом, то проще. Но, тем не менее, трудностей и потерь было не избежать – у Бородкиных в дороге умер первенец. Зайдя вперёд, скажем, что всего у Антона Андреевича и Марии Касьяновны было двенадцать детей, но семь из них умерли в младенческом возрасте. Во взрослую жизнь вступили пятеро: Павел 13.12.1910 года рождения, Пётр 19.06.1918, Андрей 11.07.1922, Клавдия 01.01.1925 и Александр 25.11.1926.

К месту будет сказать, род Бородкиных в Барнауле пустил хорошие корни. К примеру, в семье Николая Андреевича Бородкина 8 апреля 1910 года родился сын Александр. У Павла Андреевича и жены его Марии Николаевны 17 ноября 1910 года родился сын Григорий.² Не отставал от племянников и дядя их Федот Павлович Бородкин. Его супруга Мария Макаровна родила на Алтае четверых детей, последний из которых – Николай, родился 26 ноября 1918 года.³

² КГКУ ГААК Ф. 144, оп. 6, д. 1585.

³ КГКУ ГААК Ф. 144, оп. 6, д. 3511 .

О семье Антона Андреевича и Марии Касьяновны мы уже говорили. Всего же в семьях Бородкиных с 1908 года по 1918 родилось 17 ребятишек. (Советский период братьев и дяди Антона Андреевича мы не отработывали, но, полагаем, были и ещё дети в многочисленном бородкинском клане).

Вернёмся в год приезда Бородкиных в Барнаул. На новом месте Антон Андреевич трудился усердно, брался за любую возможность заработать. Портняжил на дому, а когда заказов не было, нанимался на малярные работы. Мария Касьяновна, в основном, занималась подённой работой.⁴ Денег, конечно, больших не зарабатывали, но на жизнь хватало. Семья Бородкиных так же, как и в Воронеже, продолжала жить на съёмных квартирах. Собственным жильём они обзавелась только при советской власти – строительный трест, в котором Антон Андреевич работал маляром, выделил им квартиру в доме в пр. Косой Взвоз № 25 (в 1963 году проезд переименован в пер.Колядо, по состоянию нумерации домов на 2017 год, дом, в котором жила семья Антона Андреевича Бородкина, – № 31). Квартира состояла из комнаты и кухни. Для семьи из пяти человек площадь была маленькой, но это была уже не съёмная каморка, а собственное жильё, да ещё и с огородом. По этому адресу в семье Бородкиных родились ещё двое детей – Клавдия (1925) и Александр (1926).

Детям новое место нравилось не только тем, что это их собственный дом, но ещё и тем, что обзор с Горы хороший, а до реки – рукой подать. Хоть в Оби купайся, хоть в Барнаулке. А зимой детвора любила кататься со взвоза. Катались на всём, что у кого было – на санках, досках с намороженным на одну сторону льдом, куске клеёнки. К середине спуска скорость развивалась такая, что ветер в ушах свистел.

Семья была дружной. Мальчишки помогали родителям не только в домашних делах, но и отцу на работе. Родители,

⁴ ТПУ, Ф. Р-816, оп. 8, д. 527.

несмотря на непростое финансовое положение семьи, постарались дать образование всем детям.

С приходом Советской власти Антон Андреевич портняжное дело оставил и перешёл на государственную службу маляром. Последней организацией, в которой он работал, был горздравотдел Барнаула. Заработок был небольшой – 200-220 рублей.⁵ Для семьи из семи человек, конечно, было недостаточно, и Антон Андреевич, чтобы сводить концы с концами, в нерабочее время подрабатывал на стороне.

Длительным, практически без отдыха, физическим трудом Антон Андреевич подорвал здоровье и в конце тридцатых годов по состоянию здоровья был вынужден оставить работу. Но жить, кормить семью надо, Антон Андреевич пошёл по инстанциям и выпросил разрешение на занятие частной деятельностью, которая была ему под силу. Основным грузовым транспортом в ту пору был, естественно, гужевой. И кормильцу многодетной пролетарской семьи разрешили заниматься частным извозом.

Из воспоминаний Клавдии Антоновны Пойловой (урождённой Бородкиной) о родных:

– Срочную службу Павел проходил на Востоке. Он очень хорошо пел, во время службы был в ансамбле. Демобилизовавшись, вернулся в родной Барнаул, устроился на работу и вскоре женился.

Для молодой семьи в небольшом доме Бородкиных выделили отдельное место, отделив его от общей площади обыкновенной занавеской. Теснота была жуткой. В небольшом домике из комнатки и кухни жили папа с мамой, Павел с женой, Пётр, Андрей, Саша и я – восемь человек.

Погиб Павел во время Великой Отечественной войны в Польше в селе Санок. Был командиром танка. В одном из боёв вражеский снаряд попал в башню, и Павел сгорел.

Андрей прошёл всю войну, был ранен. Вскоре после войны он скончался от ран. Андрей был высокий, стройный и красивый. И характер у него был добрый, весёлый.

⁵ ТПУ Ф.-186, оп. 8, д. 527.

Мама Петра Антоновича ушла из жизни в воскресенье, 5 декабря 1954 года. Папа – в среду, 20 сентября 1967 года.

ГЛАВА II

Прежде чем приступить к рассказу о Петре Антоновиче, необходимо отметить, что в официальной биографии писателя нам пришлось столкнуться с большим числом мелких и крупных ошибок и неточностей. Заметить это можно было только скрупулёзно и заботливо отбирая документы, сравнивая свидетельства, отыскивая малоизвестные факты и фактики. Может быть, от того, что прежним биографам не удалось добраться до нужных источников, может, они не сумели правильно истолковать имевшиеся документы, но досадные ошибки, тем не менее, были допущены, и в настоящем исследовании биографии П. А. Бородкина мы намерены их исправить.

И начнем с начала – с даты рождения. Официальной датой рождения, по которой его чествовали и которая фигурирует в списках Союза писателей, считается 12 июля 1918 года. Но сейчас в нашем распоряжении есть несколько официальных документов, в которых указана другая дата рождения – 19 июня 1918 года. Это два свидетельства о рождении, воинский билет и метрическая книга Знаменского собора города Барнаула. А вот откуда или с чьей подачи появилась дата 12 июля – неизвестно.

Со свидетельствами о рождении тоже не обошлось без путаницы. У Петра Антоновича их было два. Первое за № 155302 было выдано 14 июля 1936 года, и в нём указана дата рождения 19 июня 1918 года ст. ст.⁶ Первое,

⁶ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 161.

что напрашивается, путаница получилась из-за перехода на новый стиль. Но Григорианский календарь введён в стране с 1 февраля 1918 года, и 1 февраля стало 14-м. А в нашем случае речь идёт об июне! Второе свидетельство за № Р-3757653 было выдано 25 октября 1939 года⁷, и в нём указана та же дата – 19 июня 1918 года. Допустим, первое свидетельство выписал человек малограмотный (что маловероятно) и он указал старый стиль. Но давайте прибавим к указанному дню тринадцать – получится 2 июля. Никак не 12. Следующее. Ведь сам-то Пётр Антонович уже был человеком взрослым и образованным, и, если была ошибка, он заметил бы ее и попросил исправить. Более того, по первому свидетельству о рождении 8 января 1951 года Петру Антоновичу был выдан паспорт, и дата рождения в паспорте, естественно, была указана по дате из свидетельства о рождении.⁸ И вновь Пётр Антонович это никак не оспорил и не опроверг. Далее. В метрической книге Знаменского собора города Барнаула дата рождения указана 19 июня 1918 года!⁹ Не могли же священник с дьяком крестить ещё не родившегося ребёнка. Само имя тоже дано неспроста, а по Святцам – родился ребёнок в Петров пост. В старину считалось, что рождённые в пост, очень терпеливы, им, как правило, в жизни выпадает много невзгод. Пётр – означает камень, и это имя, по рассуждению родителей, должно было помочь ребёнку стойко перенести все выпавшие в жизни трудности.

В военном билете, выданном Петру Антоновичу Центральным районным военным комиссаром Алтайского края 23 марта 1964 года, дата рождения Бородкина указана 19 июня 1918 года!¹⁰ Из этого следует, что действительная дата рождения Петра Антоновича 19 июня 1918 года.

⁷ КГКУ ГААК Ф. 144, оп. 6, д. 3511.

⁸ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 161.

⁹ КГКУ ГААК Ф. 144, оп. 6, д. 1585.

¹⁰ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 165

Теперь давайте обратим внимание на информацию о Петре Антоновиче, размещённую на официальном сайте Алтайского края.¹¹ Среди прочего в ней сказано, что Пётр Бородкин «... поступил в Томский политехнический институт. По состоянию здоровья был вынужден оставить учёбу и возвратился в Барнаул». Информация, вводящая читателей и исследователей в заблуждение. Во-первых, в 1936 году, когда Бородкин поступил в институт, он назывался не политехническим, а индустриальным, политехническим он стал в 1944 году. Во-вторых, если Пётр Антонович по состоянию здоровья оставил Томский институт, то как же он, поступив в Барнаульский государственный учительский институт, с плохим здоровьем, стал физоргом группы, членом Совета физкультуры института?¹² Более того, получается, что он с плохим здоровьем ещё и активно занимался общественной работой – был агитатором на участке, активистом студенческой газеты. И это ещё не всё. В том же 1937 году он стал участником лыжного перехода Барнаул – Ойрот-Тура.¹³ И это с плохим-то здоровьем? С тем же «проблемным» здоровьем Бородкин в лыжном забеге на 10 километров на общегородских соревнованиях занял 2 место и был награждён Почётной грамотой Барнаульского городского комитета по делам физкультуры и спорта 12 февраля 1938 года.¹⁴ А 27 мая Петру Бородкину Всесоюзным физкультурным обществом «Учитель» присвоено звание лучшего физкультурника Советского Союза – значок № 436621.¹⁵ Здоровье Петра Антоновича в тот период жизни было прекрасным.

Томский индустриальный институт им. С. М. Кирова Пётр Антонович оставил не по состоянию здоровья, а был

¹¹ <http://www.altairregion22.ru/authorities/spisok/borodkin-petr-antonovich-19181986/>

¹² КГКУ ГААК Ф. 1382, оп. 1, д. 162.

¹³ Там же.

¹⁴ КГКУ ГААК Ф. 1382, оп. 1, д. 182.

¹⁵ КГКУ ГААК Ф. 1382, оп. 1, д. 163.

отчислен из института приказом № 14 от 09.01.1937 года за систематические прогулы. Скрывать это нет необходимости – мало ли по каким причинам Пётр Антонович пропускал занятия? Возможно, он уходил с занятий для того чтобы заработать денег на жизнь. Но, в любом случае, вносить в биографию человека ложные сведения нельзя. Нужно сказать правду, даже если она представляется биографу не совсем «красивой». Тем более, что Петра Антоновича этот эпизод никак не чернит, не умаляет его достоинств ни как человека, ни как писателя, ни как историка.

Продолжаем «работу над ошибками». В энциклопедиях «Алтайского края» (Барнаул, АКИ, 1996 г.) и «Барнаул» (Барнаул, издательство АГУ, 2000 г.) о П. А. Бородкине сказано: «На основе изучения арх. материалов написал и опубликовал ок. 400 статей, очерков, рассказов, неск. брошюр». Автор биографических справок В. Ф. Гришаев. Цифра, если внимательно подойти к делу, нереальная. И вот каким путём мы с этим разобрались. В июне 1982 года, когда Пётр Антонович стал готовиться к уходу на заслуженный отдых, Алтайское отделение СП обратилось в крайисполком с ходатайством о назначении ему персональной пенсии республиканского значения. Получить её было не просто, и обоснования нужны были очень веские. Все сведения о кандидате перепроверялись скрупулёзно, и, не дай бог, заслуги окажутся преувеличенными – отказ обеспечен. Так вот. В ходатайстве на Петра Антоновича указано, что он автор «... более 170 исторических исследований о прошлом края...».¹⁶ Ходатайство подписал Л. И. Квин, а он, как известно, человеком был точным и честным. В эту цифру входили статьи, очерки (в том числе и брошюры), заметки. Давайте добавим рассказы на исторические темы – их у Петра Антоновича 56 – и получим цифру 226. Округлим и получим 230. Таким образом, вышло, что коллега-краевед В. Ф. Гришаев преувеличил заслуги П. А. Бородкина на 170 работ.

¹⁶ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 2, д. 133.

Теперь, когда ошибки в официальных источниках исправлены, давайте продолжим очерк о жизни Петра Антоновича.

В сентябре 1926 года начался путь Петра Бородинки в страну знаний. Поступил он в обычную советскую школу № 2, именуемую в народе Нагорной. Но у этого учебного заведения уже к тому времени была своя история. Основал школу известный барнаульский просветитель Василий Константинович Штильке 15 сентября 1885 года, а открытие здания состоялось в августе 1886 года. Нагорной школе писатель-краевед В. Гришаев посвятил целую главу в своей документальной повести о В. К. Штильке «Барнаульский печальник». История школы интересна, необычна. Рекомендуем прочитать повесть.

В Нагорной школе Пётр Бородинкин окончил семь классов. К сожалению, нам не удалось отыскать фактов об успеваемости Петра Антоновича, какие у него в то время были интересы, чему посвящал свободное время. До наших дней дошла не то легенда, не то быль: на уроке в четвёртом классе учительница раздала по классу анкеты и попросила их заполнить. Один из вопросов был: «Кем мечтаешь стать?» На него Пётр якобы ответил: писателем. Красиво. Но мы же договорились, что будем честны с историей и не станем украшать её...

С восьмого и по десятый класс Пётр Антонович учился в образцовой школе № 1 в одном классе с будущим писателем Марком Юдалевичем. Интересное сплетение судеб, ведь в дальнейшем, с середины 50-х, пути их сошлись вновь – в писательской организации. Но об этом мы скажем ниже. Десятый класс Пётр закончил без единой тройки. По химии и электротехнике – отметки «отлично», а по остальным – «хорошо».¹⁷

Школа была окончена, впереди – большая жизнь с множеством путей. Какой же выбрать? Пётр решил посту-

¹⁷ КГКУ ГААК Ф.Р1382, оп. 1, д. 162.

пать в Томский Индустриальный институт им. С. М. Кирова на геологоразведочный факультет. В июле сдал документы, а в августе был допущен к приёмным испытаниям, которые успешно выдержал и стал студентом. Казалось, что он на пороге новой, интересной жизни. Но что-то у Петра не заладилось в томской жизни. Может, выбранная профессия пришлась не по душе, может, ещё по каким-то причинам, но дела в институте не пошли, прогулы следовали один за другим, и в итоге, как было сказано выше, в начале января 1937 года он был отчислен из института за систематические прогулы. Пришлось возвращаться в Барнаул. Как смотреть в глаза родителям? Что сказать товарищам? Стыд и позор. И неизвестно, как бы у Петра Антоновича сложилась дальнейшая жизнь, если бы у него не достало мужества вернуться домой и начать вхождение во взрослую жизнь с чистого листа. Отвечать за свои слова и поступки Пётр Антонович мог всегда.

В июле 1937 года он подал документы в Барнаульский государственный учительский институт на факультет русского языка и литературы. Разительный перепад в поиске будущей профессии – геолог и преподаватель русского языка. С чем связаны такие зигзаги – загадка. Но испытания были пройдены, в институт он был зачислен.

С первых же дней учёбы Пётр активно включился в общественную жизнь – его избрали физоргом группы и в Совет физкультуры института. Кроме того, он входил в актив стенгазеты института и выполнял работу агитатора на участке. Подобной активности у Петра до сего дня не замечалось, а тут вроде бы произошло какое-то переключение, и не на какой-то период, а на всю дальнейшую жизнь. Менялись только направления общественной деятельности.

Только в мае 1938 года Пётр вступил в комсомол.¹⁸ И это нам показалось удивительным. Как он, не состоя «в рядах», избирался на какие-то ответственные по тем вре-

¹⁸ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 2, д. 133.

менам посты – в Совет физкультуры института, в агитаторы? Возможно, традиция выдвигать комсомольцев-партийцев появилась в стране значительно позднее. А может, принимали в Союз Молодежи только самых-самых, а не так как в шестидесятые-семидесятые годы – целыми школьными классами? В связи с этим возникает вопрос: а почему Бородкин до двадцати лет не вступал в комсомол? Считал себя недостойным? Была какая-то причина или просто не хотел? Как бы там ни было, а в дальнейшей жизни Пётр Антонович проявил себя крепким и верным партийцем.

В институте Бородкин влюбился в однокурсницу Марию Игнатову, уроженку города Тайга Западно-Сибирского края. Девушка ответила взаимностью. На последнем курсе Пётр с Марией приняли решение после окончания института уехать работать в деревню и там пожениться.

Мечты сбылись. В июле 1939 года Пётр и Мария, получив дипломы, уехали в село. В дипломе у П. Бородкина: «Древняя литература» – «удовлетворительно», «Предпрактика по русскому языку и литературе» – «хорошо», а по остальным девятнадцати предметам – «отлично».¹⁹ Результат, достойный уважения.

Местом жительства молодые специалисты выбрали село Сычёвка Смоленского района.²⁰ Село большое, с более чем вековой историей. Согласно имеющимся источникам, основано оно в 1802 году беженцем-старообрядцем Евсеем Завьяловым. До революции Сычёвка было крупным волостным селом. Жителей в нём насчитывалось свыше четырёх тысяч обоёго пола, дворов – 496. В среднем на один двор приходилась 41 десятина земли, 5,4 лошадей, 6,5 крупного рогатого скота, 5,2 овцы. Зажиточный народ был в Сычёвке. К слову сказать, в Сычёвской волости в год проводилось 10 ярмарок – ни в какой другой волости Бийского уезда не было столько. Бойкая торговля велась маслом коровьим, подсолнечным, конопляным, са-

¹⁹ КГКУ ГААК Ф.Р1382, оп. 1, д. 163.

²⁰ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 164.

лом свиным, мёдом, орехами, хлебом, кожами животных, волосом, щетиной, пушниной, воском, лошадьми.

И местоположение Сычёвки прекрасное: две реки – Песчаная и Сычёвка. Песчаная протекает за селом, а Сычёвка по селу. Ещё за селом есть небольшое озеро. В ясную погоду хорошо видны горы.

Бородкиных определили на постой, и молодые зажили самостоятельной жизнью. В школе Пётр Антонович преподавал русский язык и литературу.²¹ Литературный багаж знаний Петра Антоновича, благодаря недюжинной тяге к чтению, значительно превосходил институтский. Он мог часами рассказывать о писателях и их произведениях. И не только из школьной программы.

Пётр был счастлив. На работе, в семье всё складывалось отлично. Но неотвратимо надвигалось на далёкую Сычевку, как и на всю страну, огромное испытание – Вторая мировая война. Первого сентября 1939 года Германия напала на Польшу. Конечно, в далёкой сибирской Сычёвке это стало известно не в тот же день, а несколько позже и практически никак не нарушило ход жизни. Вначале. Но вот после внеочередной сессии Верховного Совета СССР, на которой был принят закон о всеобщей воинской обязанности и начале войны с Финляндией, жизнь поменялась не только в стране, но и у Бородкиных. В начале декабря Петра Антоновича призвали в РККА. Служба в армии, конечно, не входила в семейные планы. Они мечтали работать, родить ребёнка (Мария, к тому времени, готовилась стать матерью), обзавестись собственным домом, хозяйством.

Из Смоленского районного военного комиссариата Пётр прибыл на вокзал в Барнаул и оттуда, не имея времени даже побывать у родителей и попрощаться, был отправлен на Кавказ в воинскую часть около города Грозный.

Служить выпало в артиллерийских войсках. По прибытии в часть Пётр Антонович был зачислен стрелком

²¹ Там же.

и, как полагается, прошёл путь молодого бойца и теоретический, и практический. Но служить в первые годы ему пришлось по другому направлению. Время было напряжённое. После печально известных чисток в рядах РККА была нехватка кадров командного состава и политработников. Пётр Антонович привлёк к себе внимание не только высшим образованием, но и начитанностью. Человек, умеющий грамотно и развёрнуто излагать свои мысли в доступной форме как для людей с высшим и средним образованием, так и для людей с начальным образованием, в те годы был редкостью. А Пётр Антонович, повторимся, не только имел высшее образование, но был к тому же учителем – практика, хотя и недолгая, за плечами имела.

В апреле 1940 года Петра Антоновича назначают заместителем политрука батареи.²² Должность невысокая, но ответственная. Политрук в части РККА был первым, после командира, по значимости, но нёс равную с ним ответственность за боеспособность и политическое воспитание личного состава. К политработе в те годы требования были очень высокими и жёсткими.

В том же году Пётр Антонович из письма супруги узнал, что у них родилась дочь, и она назвала её Ольгой. Радость была большая, и он сразу же поделился ею с родными – братьями, сёстрами, родителями. А вот следующее известие, полученное от супруги, он долгое время держал в тайне. В конце лета 1941 года Мария прислала Петру Андреевичу письмо, в котором сообщала, что встретила другого мужчину, полюбила его, и они создали с ним семью. Удар, конечно, сокрушительный, но Пётр Антонович нашёл в себе силы и выстоял, перенёс боль, причинённую близким человеком. А что ещё оставалось делать?

Заместителем политрука Бородкин прослужил до октября 1943 года, затем был переведён старшиной батареи

²² КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 165.

и с этой должности 25 октября 1945 года был демобилизован.²³ Но до демобилизации в жизни Петра Антоновича произошли следующие знаменательные события: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 01.05.1944 года он был награждён медалью «За оборону Кавказа».²⁴ 4 июля того же года в Грозненском Государственном педагогическом институте он экстерном сдал экзамен по трём предметам: русскому языку, основам марксизма-ленинизма и русской литературе.²⁵ Вот только непонятно, зачем и для чего ему это понадобилось? Ведь по русскому языку и литературе он сдал госэкзамен в Барнаульском государственном учительском институте. Но, раз сделал, значит, это ему было нужно. И ещё одно не особо значительное, но приятное событие, свершилось 21 сентября 1945 года, когда командование части, в которой служил Пётр Антонович, премировало его... – велосипедом!²⁶ Тащить домой, за тридевять земель эдакий громоздкий подарок в переполненных поездах было не совсем сподручно, а потому Пётр Антонович подарил его товарищу-сослуживцу.

В родной Барнаул Пётр Антонович возвратился не один – с будущей супругой Ириной Андреевной Прокопенко, тоже прошедшей горнило войны. Судьба свела их в конце войны под Кёнигсбергом.²⁷ Ирина Андреевна понравилась Петру Антоновичу, и он предложил ей поехать с ним на Алтай, в Барнаул.

В последний день октября 1945 года извозчик доставил их с чемоданами и баулами от железнодорожного вокзала на улицу Косой Взвоз к калитке родительского дома № 25. Минуло более семи лет с тех пор, как Пётр Антонович ушёл из дома в надежде обрести семейное счастье с од-

²³ Там же.

²⁴ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 183.

²⁵ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 162.

²⁶ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 164.

²⁷ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 161.

нокурсницей. Не получилось. Теперь он вернулся с другой женщиной, чтобы осуществить с ней несбывшиеся мечты.

Встреча была бурной и радостной. Вечером за столом собралась почти вся большая и дружная семья: Антон Андреевич с Марией Касьяновной, дети Андрей, Клавдия, Александр и Пётр с Ириной. Не было только старшего брата Павла – погиб в Польше. За разговорами засиделись, чуть ли не до самого утра. Поговорить было о чём. Нужно отметить, что Бородкины все и всегда были хлебосольными. Пётр Антонович довольно часто собирал дома круг друзей-писателей не только в праздники. Для гостей они с Ириной Андреевной накрывали стол, на котором непременно стоял графинчик крепкого напитка домашнего производства.

На следующий день Пётр, не привыкший откладывать дела в долгий ящик, принялся устраиваться в новой гражданской жизни. Самый главный вопрос, конечно, жильё. Две семьи, семеро взрослых людей в двух комнатах – это вокзал, цыганский табор. Уходить на съёмное жильё? Нет денег, да и не хочется к чужим людям. Решение Пётр Антонович принял нестандартное. К дому родителей примыкала кладовочка, вот её-то он, с помощью братьев и отца, до наступления холодов переоборудовал под жилое помещение. Не царские палаты, но всё же свой угол.

После обустройства семейного гнезда Пётр Антонович занялся трудоустройством. Он стал работать в краевом архиве. Выбор, прямо скажем, неожиданный. До тех пор интереса к краеведению Пётр Антонович не проявлял. Историю ВКП(б) он, наверняка, изучал в институте, но это же не краеведение и даже не история государства Российского. Если был у него какой-то интерес в изучении прошлого, то мог бы, скажем, в Грозном изучать исторические науки. Но, как мы знаем, он сдал тогда экстерном экзамен за курс русского языка и литературы. Но с уверенностью можно сказать, что дело Пётр Антонович выбрал не случайно. И доказательством тому служит его отношение к работе. Как рассказывали сослуживцы, в кабинет он приходил за

долго до начала рабочего дня, а уходил последним, нередко засиживаясь до восьми-девяти часов вечера.

Здесь нужно отметить, что Пётр Антонович, прежде чем приступить к выполнению какого-либо дела, тщательно взвешивал и прорабатывал все нюансы. И не важно, что это было – разговор с кем-то, написание статьи, поручение или предложение кому-либо, строительство дома. Но, если брался, то делал основательно, как говорится – на совесть.

Людам несведущим кажется, что архив – это тихая заводь, покрытые пылью тонны мало кому интересных и нужных документов. На самом же деле, это довольно хлопотная работа, включавшая сотни ежедневных звонков, запросов, заявлений и прочего. Кроме того, неукоснительное соблюдение порядка хранения, включающее не только сортировку, прошивку, описание, но и массу других кропотливых и ответственных операций. Сейчас, наверное, мало кто помнит, в каком состоянии Пётр Антонович принял архив и в каком оставил. Пришёл к кипам и связкам различных документов, хранившихся, в большинстве, кучами. А оставил, когда всё было расставлено по полочкам, рассортировано по годам, предприятиям, сферам, областям.

Вернёмся в 1945 год. Приказ о зачислении Петра Антоновича начальником краевого архива МВД Алтайского края датирован 25 декабря 1945 года.²⁸ Для того чтобы взвалить себе на плечи дело краевого масштаба без специальной подготовки и профильного образования, нужно было быть не только смелым и уверенным в себе человеком. Пётр Антонович, оценив объективно свои способности и возможности, решил, что справится. И, как показало время, справлялся прекрасно.

В четверг, седьмого марта 1946 года Пётр Антонович и Ирина Андреевна узаконили свои отношения в Барнаульском городском бюро ЗАГСа. Событие для семьи знаковое, но отметили его, как и приезд, в тесном кругу родных.

²⁸ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 164.

А утром следующего дня, как и полагается, Пётр Антонович поспешил на работу.

Энергией и выносливостью Пётр Антонович обладал редкостной. Будучи крайне загруженным основной работой, он находил время и силы выполнять общественную – выступал с лекциями перед партактивами, школьниками, студентами вузов, писал статьи в газеты, журналы, вёл активную переписку с участниками Гражданской войны и революционной деятельности на Алтае. Причём с годами общественная деятельность набирала обороты. Так с февраля по май 1948 года Пётр Антонович преподавал историю ВКП(б) в школе партактива воинской части № 31775.²⁹ А 19 декабря 1949 года он был принят в действительные члены Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний Алтайского краевого отделения.³⁰ Названное Общество содержалось на государственные средства, в нём были вступительные и ежегодные членские взносы. Вступительные – 50 рублей, членские – 25. Создано Общество было в Москве в июле 1947 года. Первым председателем Правления общества (с 1947 по 1951 г.) был академик С. И. Вавилов, с 1951 по 1957 – академик А. И. Опарин, в последующие годы Правление общества возглавлялось также академиками. Общество имело своё издательство «Знание», выпускало несколько ежемесячных журналов: «Международная жизнь», «Наука и жизнь», «Воинствующий атеист». Как член этого Общества Пётр Антонович должен был регулярно выступать с лекциями, докладами в основном на политические темы, что он и делал с большим удовольствием. В основу лекторской библиотеки по истории края легли изданные отдельными брошюрами его лекции, прочитанные 15 октября 1949 года и 10 декабря 1950 года на Барнаульском заводе транспортного машиностроения: «Роль партизанского движения на Алтае в разгроме

²⁹ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 164.

³⁰ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 168.

колчаковщины» и там же – 14 марта 1951 года – «Крестьянские волнения на Алтае в 1905-1907 гг». Второго декабря 1959 года в семь часов вечера он читал доклад «40 лет со дня освобождения Алтая от колчаковщины» в Доме политического просвещения Барнаульского горкома КПСС.³¹

С годами и растущим числом публикаций росла и выходила за пределы края известность Петра Антоновича как краеведа и прекрасного интересного докладчика. Так, Томский государственный университет им. В. В. Куйбышева в ноябре 1955 года пригласил Петра Антоновича выступить на научной конференции, посвящённой первой русской революции 1905 года.³² В это же время пришло приглашение выступить с докладом на исторической секции в Сталинском государственном педагогическом институте (г. Сталинск-Кузнецк, с 1961 года – Новокузнецк, Кемеровской обл.).³³ Оба приглашения были на одно время, и от выступления в Сталинском институте Петру Антоновичу пришлось отказаться.

Несколькими годами позже, после вступления в Союз писателей, Пётр Антонович длительное время был секретарём партийной группы писательской организации, несколько раз избирался в Бюро писательской организации и долгое время был членом редколлегии альманаха «Алтай». И это ещё не всё. В декабре 1970 года, когда по инициативе СП РСФСР по согласованию с отделами пропаганды и агитации крайкома и горкома КПСС на Алтае был создан Краевой Совет литературных объединений, Пётр Антонович несколько лет возглавлял его.³⁴ В семидесятые годы литературная деятельность на Алтае была очень активной, и членам Совета вместе с председателем приходилось много работать. Что только Совет не рассматривал – просьбы издать рукопись, написать рецензию, заявления на командировки,

³¹ Там же.

³² КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 174.

³³ Там же.

³⁴ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 2, д. 38.

на оказание помощи в получении жилья, жалобы. Без ответа нельзя было оставить ни одно обращение, несмотря на то, что большинство из них не входило в компетенцию Совета.

Активная и добросовестная деятельность Петра Антоновича в общественной жизни края, архиве и литературе не осталась незамеченной. В трудовой книжке П. А. Бородинки три вкладыша, в которых указаны награждения, поощрения и благодарности. Перечислять их все мы не будем, приведём в хронологическом порядке только самые значительные:

– 12 января 1955 года Почётная грамота Алтайского крайкома КПСС и исполкома краевого Совета Депутатов трудящихся в связи с 10-тысячным номером газеты «Алтайская правда» и за активное участие в работе газеты. Подписали секретарь крайкома КПСС Н. Беляев, председатель исполкома краевого Совета депутатов К. Пысин.³⁵

– 01 июня 1958 года Почётная грамота исполкома Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся в честь 40-летия архивного дела на Алтае.³⁶

– Почётная грамота УВД Алтайского крайисполкома за высокие показатели в работе и личную дисциплинированность. Приказ УВД № 614 от 2.11.1961 г. Начальник управления М. Белов.³⁷

– Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17.12.1962 года, в связи с 250-летием архивного дела в стране, награждён Почётной грамотой.³⁸

– 05 мая 1964 года Почётная грамота Алтайского крайкома ВЛКСМ за активное участие в работе краевой газеты «Молодёжь Алтая». Подписали: секретарь сельского крайкома ВЛКСМ А. Власов, секретарь промышленного отдела крайкома ВЛКСМ В. Соколов.³⁹

³⁵ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 184.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 185.

³⁹ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 184.

– декабрь 1965 года Почётная грамота Алтайского крайкома КПСС за долгую и безупречную работу в архиве в связи с 200-летием Алтайского краевого государственного архива.⁴⁰

– 18 ноября 1965 года Почётная грамота начальника главного архивного управления при Совете министров и ЦК Профсоюзов государственных учреждений. Подписал начальник ГАУ Г. Белов.⁴¹

– 04 ноября 1967 года Почётная грамота Алтайского краевого исполкома Совета депутатов трудящихся.⁴²

– Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 21.07.1969 года за заслуги в развитии советской культуры, присвоено почётное звание «Заслуженный работник культуры РСФСР». Подписали Указ Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР М. Ясенов, Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР Х. Нешков.⁴³

– декабрь 1970 года Почётная грамота Алтайского крайкома КПСС.⁴⁴

– июнь 1974 года Почётная грамота Залесовского РК КПСС (Алтайский край).⁴⁵

– 04 апреля 1975 года Почётная грамота Алтайского крайкома ВЛКСМ. Подписал секретарь крайкома ВЛКСМ А. Жучаков.⁴⁶

– 23 сентября 1977 года присвоено почётное звание «Ветеран труда государственных учреждений Барнаула». Председатель Барнаульского горкома профсоюза госучреждений А. Пономарёв.⁴⁷

⁴⁰ Там же.

⁴¹ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 182.

⁴² КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 184.

⁴³ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 187.

⁴⁴ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 184.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 183.

– 23 сентября 1977 года имя Петра Антоновича Бородкина занесено в Книгу Почёта Барнаульского горкома профсоюза – раздел «Ветераны государственных учреждений г. Барнаула».⁴⁸

– 29 июня 1978 года имя Петра Антоновича Бородкина за достигнутые успехи в работе занесено в Книгу Почёта Главархива РСФСР и ЦК профсоюза работников госучреждений.⁴⁹

– 06 июня 1978 года Почётная грамота Львовского областного комитета компартии Украины.⁵⁰

– 12 июля 1978 года, в связи с 60-летием, награждён Почётной грамотой Алтайского крайкома КПСС.⁵¹

– 08 февраля 1980 года Почётная грамота Новичихинского райкома КПСС и райисполкома (Алтайский край).⁵²

– 08 мая 1985 года имя Петра Антоновича Бородкина занесено в Книгу Почёта Архивного отдела Алтайского крайисполкома.⁵³

– Диплом Центрального штаба Всесоюзного похода комсомольцев и молодёжи по местам революционной и трудовой славы советского народа – за активное участие в экспедиции «Слава». Подписал маршал Советского Союза И. С. Конев.⁵⁴

В январе 1962 года архивный отдел был передан из УВД в ведение крайисполкома. На заслуженный отдых Пётр Антонович ушёл 7 декабря 1982 года, отработав в архиве без нескольких дней 37 лет.⁵⁵

Пётр Антонович был одним из первых, кто заговорил о создании на Алтае музея литературы Алтайя. И это зако-

⁴⁸ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 190.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 184.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 190.

⁵⁴ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 184.

⁵⁵ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 164.

номерно. Он, как историк и архивариус, более других понимал необходимость создания такого заведения, а потому одним из первых подписался под статьёй «Нужен литературный музей», опубликованной в газете «Алтайская правда» 25 апреля 1986 года. Вот только жаль, что не дожил он до того светло дня, когда был открыт музей. Думается, что и радовался бы он больше других.

Завершая главу о профессиональной и общественной деятельности Петра Антоновича, хочется сказать, что, несмотря на высокую должность, которую он занимал почти сорок лет, на уважение и авторитет у руководителей края, он оставался скромным до самых последних дней. И никаких материальных благ для своей семьи не требовал. Давайте посмотрим. С декабря 1945 года и по январь 1962, он работал начальником архивного отдела УВД Алтайского края, а семья его жила в пристройке к родительскому дому. Затем, в начале шестидесятых, он построил на гонорары добротный дом на выделенном горисполкомом участке (ныне пер. Колядо, 31а). А ведь вполне мог, используя служебное положение, как это делали практически все руководители, получить прекрасную благоустроенную квартиру. Возможно, семья Петра Антоновича так бы и дожидалась до последних дней в частном доме, где дважды в день нужно было топить печку, ежегодно заниматься заготовкой дров и угля, если бы не болезнь, которая приковала Петра Антоновича к инвалидной коляске. И только тогда, передав дом барнаульскому горисполкому, он получил благоустроенную трёхкомнатную квартиру в новом девятиэтажном доме на улице Северо-Западной.

ГЛАВА III

Должность начальника государственного архива Алтайского края при управлении МВД Алтайского края, казалось бы, оставляет мало времени и сил на серьёзные

систематические занятия историей. Первый руководитель учреждения полностью поглощён организационно-хозяйственными заботами, из которых не то, что на час, на четверть часа не всегда вырвешься.

Но, как говорится, если есть желание, то и время выкроить можно. У Петра Антоновича желание было. Из документов мы знаем, что неплохими знаниями по истории ВКП(б) он обладал уже в армии и командование части, отметив это, назначило его заместителем политрука батареи.⁵⁶ А оказавшись среди массы документов, открывавших страницу за страницей историю горнозаводского дела на Алтае, гражданской войны, революции, он, конечно же, просто не мог не окунуться в них. Изучением же архивов занимался после работы, в выходные и праздничные дни, ночами. Супруга, Ирина Андреевна, вспоминала, что первые годы работы в архиве Пётр Антонович – нередко возвращался домой ближе к полуночи. И будь возможность, говорила она, он бы и домой документы забирал.

Первый пласт истории, который начал разрабатывать Пётр Антонович – революционные события на Алтае. Изучая документы, он, естественно, не желал довольствоваться только сухими фактами, изложенными в приказах, постановлениях, протоколах, декретах, воззваниях. Ни по одному документу невозможно прочувствовать дух изучаемого времени или события. Для этого нужно было живое общение с участниками, и Пётр Антонович разыскивал участников тех событий, благо их в те годы в живых было ещё много. Особенно активно Пётр Антонович сотрудничал с руководителями революционно-партизанского движения на Алтае И. Громовым, Ф. Архиповым, Я. Жигалиным.⁵⁷

Благодаря активной изыскательской деятельности Петру Антоновичу удалось довольно быстро собрать и систематизировать богатейший материал о партизанском движении в крае. 15 октября 1949 года он читал на заво-

⁵⁶ КГКУ ГААК Ф. 1382, оп. 1, д. 165.

⁵⁷ Ф. Р1382, оп. 1, д. 142.

де «Трансмаш» лекцию «Роль партизанского движения на Алтае в разгроме колчаковщины», к 30-летию освобождения Сибири от Колчака. Материал был новый и колоритный. Краевое лекционное бюро отдела культурно-просветительной работы крайисполкома в этом же году издало текст лекции отдельной книгой тиражом в две тысячи экземпляров. В следующем году лекция, дополненная схемами, была переиздана.

За четыре года работы в архиве и сотрудничества с краевым лекционным бюро, Пётр Антонович зарекомендовал себя знатоком истории края и с его мнением стали считаться не только в крае, но и за его пределами. Так, в декабре 1951 года журнал «Сибирские огни» попросил его написать статью о первооткрывателе Змеиногорского рудника Лелеснове (статья была написана и опубликована в № 2 в 1952 г.).⁵⁸ Воодушевлённый удачей, Пётр Антонович написал и выслал в «Сибирские огни» статью о писателе Куцеском. Но этот опыт не был удачным, и главный редактор журнала С. Кожевников 31 июля 1952 года отказал в публикации статьи: «...Ваша статья о Куцеском слишком безла, схематична. Печатать её в этом виде не целесообразно...».⁵⁹ А до этого, в январе, во Всесоюзном журнале «Вопросы истории» опубликовали заметку Петра Антоновича об Алтайском краевом архиве. Работа краевого архива советского периода впервые была вынесена на союзный уровень.⁶⁰

С 1951 года лекционное бюро стало использовать Петра Антоновича не только как лектора, но и в качестве рецензента. Из сохранившихся документов мы узнаём, что ему принадлежат развёрнутые рецензии на работы Ярошевича «Гражданская война на Алтае», А. А. Худякова «Октябрьская социалистическая революция и гражданская война на Алтае», Г. П. Раппопорта «Из истории вторжения американских империалистов на Алтай», М. Ф. Розена «Очерки

⁵⁸ Ф. Р1382, оп. 1, д. 171.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

по истории горной промышленности на Алтае».⁶¹ К работе Розена Бородкин сделал много замечаний и предложил автору её переработать. Дабы понять, с какой скрупулёзностью Пётр Антонович рецензировал рукописи по истории, мы приведём одну из них полностью:

«РЕЦЕНЗИЯ

на работу М. Ф. Розена:

«Очерки по истории горной промышленности на Алтае»

Аналогичная по теме работа, но гораздо меньшая по объёму была написана автором в 1951 году в связи с 225-летием горной промышленности на Алтае.

Рассматриваемая ныне работа М. Ф. Розена выгодно отличается от предыдущей.

Во-первых, автор значительно увеличил объём работы, дал более глубокое содержание в отдельных разделах.

Во-вторых, автором добросовестно использованы многочисленные труды некоторых авторов и другие источники.

Есть необходимость рассмотреть работу по разделам.

Первый из них озаглавлен: «Древние горные работы на Алтае» и является наиболее полным по содержанию. Следует сказать, что автор весьма удачно осветил этот интересный период истории материальной культуры на Алтае, содержание раздела убедительно подкреплено картой древних рудных разработок.

Автору удалось просто и доходчиво, в основном очень кратко, не механически, а творчески рассказать широкому кругу читателей о том, что является содержанием крупных работ.

Ценным является и то, что автор вносит в этот раздел работы данные собственных наблюдений, которые придают большую убедительность основным мыслям и положениям.

Второй раздел «Горные работы и заселение Алтая русскими» знакомит читателя с краткой историей возникновения хозяй-

ства Демидовых на Алтае и не вызывает каких-либо серьезных возражений против достоверности излагаемого материала.

Однако, отдельные моменты из истории Алтая того времени требуют уточнения.

Относительно даты начала горного дела на Алтае. Правительственный указ от 31 марта 1726 г., разрешивший горный промысел на Алтае, был, как известно, издан после фактического открытия этого промысла Демидовым. Известно, что первый рудник на Алтае – Воскресенский в основном мог считаться уже подготовленным на Алтае.

Поэтому дата основания горного промысла на Алтае – 1725 г. ближе к действительности, чем дата – 31 марта 1726 года, которая лишь узаконивала то, что возникло и имело место в жизни раньше.

Из именующихся источников свое название Воскресенский рудник получил не от речки Воскресенки, а по дню воскресенья, в который было открыто рудное месторождение.

Речка Воскресенка, вероятнее всего, берет свое название от рудника. Речка, протекавшая по горным районам, где не было до прихода людей Демидова русского населения, вряд ли могла иметь такое название раньше открытия Воскресенского рудного месторождения.

Первые работы на Алтае Демидов производил при помощи людей, перебросенных с Урала, не потому, что на Алтае «почти не было» [стр. 15] русского населения [кроме селений по Оби, Бие, Чарышу], а потому, что для привлечения местного русского населения к работам необходимо было построить рудники и заводы и тем самым обосновать перед Сенатом потребность в рабочей силе, к тому же демидовские приказчики [сам Демидов на Алтае не бывал] не могли спустя малое время после приезда на Алтай, еще плохо зная его, ставить вопрос о привлечении на работы местное русское население.

Эта мысль подтверждается тем фактом, что первые акты приписки крестьян имели место в 1740 и 42 г.г. [об этом говорит и автор], т.е. тогда, когда действовал Кольвано-Воскресенский завод, некоторые рудники, когда закончилось строи-

⁶¹ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 135.

тельство Барнаульского и, очевидно, уже вынашивались планы строительства Шульбинского завода.

Следовательно, нельзя сказать, что на Алтае было мало-численным русское население. Во всяком случае привлечение его к работам могло бы с избытком удовлетворить потребность имеющихся горнозаводских предприятий в рабочей силе.

В разделе 3: Дальнейшее развитие горнометаллургической промышленности в 18 и 19 столетиях автор правильно показывает роль простых русских людей в открытии новых рудных месторождений и их освоения. Открытия русских рудознатцев на Алтае имели большое значение в науке и человеческой практики.

В разделе, в пределах его размера, дана довольно исчерпывающая характеристика горнозаводского дела на Алтае.

Отдельные замечания: на стр. 27 «в Москву» надо читать в «Петербург».

На стр. 30 «в дальнейшем с 1854 года...»/ ошибка в хронологии. Дата образования Алтайского горного округа 1834 г., а не 1854 г., учреждение, возглавлявшее его, называлось Алтайским горным правлением.

По разделу: «Горное дело на Алтае и творческая деятельность русских изобретателей» можно дать следующие замечания:

1. Кроме Ползунова и Фроловых автор не останавливается на творчестве других алтайских изобретателей.

2. Нельзя согласиться с утверждением автора, отрицающим факт хищнической эксплуатации рудных богатств Алтая. Это не относится, конечно, к временам, когда во главе заводов стояли прогрессивные русские деятели (Порошин, П. Н. Фролов и некоторые другие).

3. Но вместе с тем, известно, что с конца 60 годов и позднее, когда на Алтае орудовали немцы Меллер, Ирман, Леубе и др., разработка рудных месторождений велась хищнически, без стремления поддерживать на одном уровне добычу руд в будущем.

Именно в годы правления немцев в погоне за большей выплавкой металлов добывались более высокопробные руды, а менее низкопробные заваливались вследствие бессистемной разработки; это позволило немцам Ирману и Меллеру создать

несостоятельную в то время «теорию» истощения Змеиногорского рудника.

В данном случае автором, очевидно, в недостаточной степени изучены архивные документы.

Касаясь 5 раздела: «Положение горнозаводских рабочих и приписных крестьян», следует заметить, что автором не было четко сказано, что на Алтае существовала особая разновидность крепостного права, исключавшая лишь куплю и продажу мастерового или приписного крестьянина. Об этом следовало бы сказать. Все остальное написанное о положении мастеровых и крестьян, является правильным.

Не совсем точным является определение бергайеров как горнозаводских мастеровых /стр. 47/.

Бергайеры, как правило, выполняли самые тяжелые работы при добыче руд /рудокопы, откатчики и т.п./, для которых в большинстве не требовалось специальных знаний, как мастеровым /плавильникам, кузнецам, слесарям, плотникам и др./.

Это видно из документов того времени. В них бергайер и мастеровой не одно и то же.

По разделу: «Камнерезное производство на Алтае» особых замечаний нет.

Но в нем почти ничего не оказано о людях, творивших на Колыванской шлифовальной фабрике, если не считать лаконического упоминания о Стрижкове.

Незаслуженно обойден молчанием М. С. Лаулин, простые русские люди мастера Ивачев и др.

Раздел 7: «Причины упадка горной промышленности на Алтае в конце 19 века» следовало бы немного расширить.

Совершенно правильно утверждает автор, что причиной затухания горной промышленности Алтая, явилось отсутствие бесплатных рабочих рук после реформы 1861 г.

Но это лишь одна из причин. Автор не дает социальной характеристики послереформенного периода, поэтому из его поля зрения выпадает одно важное обстоятельство.

В условиях «свободного» капиталистического развития сельского хозяйства земля и лес становятся весьма важным источником доходов.

Русские цари предпочли заняться земельно-лесными операциями, от которых, не производя затрат со своей стороны получали не меньший доход, чем от горной промышленности.

Не будь этого источника доходов, русские цари, несомненно, не остановились бы перед фактом отсутствия бесплатной рабочей силы и вынуждены были бы перестроить горнозаводское производство на новых, капиталистических началах.

Заключение о работе в целом: – может быть рекомендована к печати с учетом сделанных замечаний: В отдельных местах требует редакционной правки.

Исправления в свете замечаний не потребуют от автора коренной переработки труда и могут быть внесены без затраты значительного времени.

*Рецензент Бородкин
6 марта 1954 года.*⁶²

Учитывая филологическое образование Петра Антоновича, лекционное бюро обращалось к нему не только по вопросам истории края. Например, в 1952 году лекторы края решили отметить 100-летие со дня смерти Н. Гоголя и написали о его жизни и творчестве несколько статей. Пётр Антонович в феврале рецензировал работу Кахновской «Великий русский писатель Н. В. Гоголь», а в марте – Сазоновой «Жизнь и деятельность Н. В. Гоголя».⁶³ На обе работы он дал, с небольшими пометками, положительные рецензии.

Но не стоит думать, что Пётр Антонович уже тогда был непререкаемым авторитетом. Его работы, так же, как и остальных лекторов, проходили жёсткое горнило цензуры и рецензентов. Например, на его труд «Крестьянские волнения на Алтае 1905-1907 гг.» написал рецензию заведующий отделом дореволюционной истории краевого музея Н. Савельев, который, сделав несколько замечаний,

⁶² КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 135. Пунктуация и орфография сохранены.

⁶³ Ф. Р1382, оп. 1, д. 135.

рекомендовал её к изданию.⁶⁴ В июле 1951 года лекция была издана тиражом в две тысячи экземпляров в типографии «Алтайполиграфиздата».

Изучая деятельность Петра Антоновича, удивляешься, где он находил время, чтобы добросовестно справляться с основной работой, писать лекции, рецензировать и ещё выполнять просьбы – писать статьи, говоря современным языком, на заказ? Приведём один пример. В мае 1955 года Змеиногорский РК ВКП(б) обратился к нему с просьбой подготовить материал к 50-летию со дня первого вооружённого народного восстания в Змеиногорске. Восстание произошло в декабре 1905 года, и материал, соответственно, необходимо было подготовить ближе к зиме. Но Пётр Антонович не любил откладывать дело в долгий ящик, тем более, что необходимые заметки для статьи, видимо, имелись. И 17 июня 1955 года в Змеиногорской районной газете «Серп и молот» № 67 вышла статья «Змеиногорское вооружённое восстание в декабре 1905 года». Кстати заметить, газета хотя и районная, а гонорар Петру Антоновичу выслали, по тем годам, солидный – 92 рубля.⁶⁵

Были и просьбы от коллег писателей. Так, например, Сергей Залыгин, работая над новым, в 17 листов, произведением о сибирской деревне 1918 года, обратился к Петру Антоновичу с просьбой собрать и выслать ему необходимый материал. Писатель объяснял свою просьбу тем, что и сам бы мог приехать и поработать в архивах, но по состоянию здоровья (перенёс операцию, у него был перитонит) в ближайший год не мог совершать дальних поездок, а работа не ждала.⁶⁶ А требовалось, надо сказать, не мало: документальные свидетельства о приходе к власти Колчака, о налогообложении крестьян на кабинетских землях до 1914 года, и то же самое – при Временном правительстве,

⁶⁴ Ф. Р1382, оп. 1, д. 252.

⁶⁵ Ф. Р1382, оп. 1, д. 17.

⁶⁶ Ф. Р1382, оп. 1, д. 142.

то есть в лето-осень 1918 года. Задача была не из лёгких и требовала уйму времени. Но отказать человеку, с которым был не просто собратом по перу, но и состоял в дружеских отношениях, Пётр Антонович не мог.

У следующей работы Петра Антоновича на историческую тему путь от письменного стола до читателя был весьма трудным и долгим. В конце 1954 года Пётр Антонович подготовил к печати рукопись с названием «Революция 1905-1907 гг. на Алтае» и пошёл с ней в книжное издательство. Но там план на 1955 год уже оказался свёрстаным и утверждённым. Тогда он обратился в Горно-Алтайское книжное издательство, директором которого в то время был писатель Сазон Саймович Суразаков. Издать книгу известного краеведа дело хорошее. Вопрос решался быстро – 20 февраля 1955 года заключили договор, составили смету, рассчитали гонорар – 1050 рублей за печатный лист. По объёму книга вышла в 6 печатных листов. Как и полагалось в те годы – автору выдали аванс – 60% от полной суммы гонорара.⁶⁷ Рецензента горноалтайцы, конечно же, взяли своего, Кожарина. Более полугодом рецензент продержал рукопись и, наконец, 25 ноября вернул в издательство с массой различных замечаний. Издательство тут же выслало её автору. Пётр Антонович засел за рукопись. С некоторыми замечаниями он согласился, а некоторые аргументировано отнёс. Казалось бы, вопрос решён. Но издательство для чего-то ещё раз обратилось к рецензенту. Последующие замечания Пётр Антонович счёл необоснованными и, опять же аргументировано, отказался их принимать. В итоге вопрос затянулся до начала 1958 года. К этому времени Петру Антоновичу удалось решить вопрос об издании книги, только под другим названием «Революционные события на Алтае в 1905 – 1907 годах» в Алтайском книжном издательстве. Узнав об этом, горноалтайцы, видимо, оскорбились и 27 июня 1958 года в одностороннем порядке расторгли договор с автором. Более того, они потребова-

⁶⁷ Ф. Р1382, оп. 2, д. 173.

ли вернуть им выплаченный аванс, чего, разумеется, Пётр Антонович не стал делать. Закон был на его стороне.⁶⁸

На почве краеведения у Петра Антоновича был ещё один очень интересный контакт – с Адрианом Митрофановичем Топоровым. Представлять его читателям, думается, нет надобности, личность довольно известная. Мы приведём отрывки из двух его писем Петру Антоновичу, так как они являются, на наш взгляд, жемчужинами в истории краеведения.

«3 мая 1966 года.
Гор. НИКОЛАЕВ ОБЛ., УССР.

ДИРЕКТОРУ АЛТАЙСКОГО КРАЕВОГО АРХИВА тов.
А. П. Б О Р О Д К И Н У

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ тов. БОРОДКИН А.П.!

Простите, что не знаю Ваших полных имени и отчества!.. И позвольте представиться. Я – ТОПОРОВ АДРИАН МИТРОФАНОВИЧ, учитель, персональный пенсионер союзного значения. В литературе прозван «духовным дедом» космонавта – 2 Г. С. ТИТОВА. 20 лет вел культурно-просветительскую работу в Алтайском крае. В коммуне «Майское утро» провел известный опыт крестьянской критики художественной литературы. Издал об этом опыте книгу «КРЕСТЬЯНЕ О ПИСАТЕЛЯХ». В этом году выходит 3-е издание этой книги («СОВЕТСКАЯ РОССИЯ», Москва). Вероятно, Вы кое-что слышали обо мне. Надеюсь, подробная рекомендация не нужна...

Есть у меня к Вам покорнейшая просьба. Сначала разрешите привести небольшое «введение».

В моем образовании и воспитании колоссальную положительную роль сыграл старый революционер-народоволец ЛЕОНИД ПЕТРОВИЧ ЕШИН. Он судился при царизме по знаменитому процессу Германа Лопатина, известному в истории революц. движения под именем процесса «21».

⁶⁸ Там же.

В сибирскую каторгу и ссылку Л. П. ЕШИН поехал вместе с поэтом-народовольцем П. Ф. Якубовичем-Мельшиным. Отбыв каторгу и ссылку в Сибири, Леонид Петрович Ешин, потеряв жену, вернулся на родину, в село Старый Лецин, Тимского уезда, Курской губернии. Он привез к сестре четырех своих малолетних детей-сирот на воспитание. В этом селе я и познакомился с Л. П. Ешиным, энциклопедически образованнейшим человеком. Я жадно учился у него многому, что пригодило мне во всей последующей моей просветительской работе. Знания, полученные от него, я передавал и моим ученикам, в их числе – родителям космонавта – 2, а через них и ему, как о том он сам не раз говорил в своих книгах.

С семьей Ешиных я приехал в Барнаул в августе 1912 года. Три года я учительствовал в Барнауле. Осенью 1915 года я расстался с семьей Ешиных. Как узнал теперь от сына Ешина, эта семья переехала в Бийск в мае 1917 г. Умер ЛЕОНИД ПЕТРОВИЧ ЕШИН В БИЙСКЕ в МАЕ 1919 года. Похоронен на Бийском городском кладбище... Это я узнал тоже от его сына Андрея...

В настоящее время я пишу свои воспоминания. В них я должен говорить и о ЛЕОНИДЕ ПЕТРОВИЧЕ ЕШИНЕ. Я ЗНАЛ ЕГО ТОЛЬКО С ЛУЧШЕЙ СТОРОНЫ.

В связи с моей литературной работой я должен знать ОТВЕТЫ на следующие вопросы:

- 1) КАК ХАРАКТЕРИЗУЮТ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Л. П. ЕШИНА ИМЕЮЩИЕСЯ В ВАШЕМ АРХИВЕ ДОКУМЕНТЫ ЗА 1912-1919 ГОДЫ?
- 2) ПРОЖИВАЯ В БАРНАУЛЕ И БИЙСКЕ, СОСТОЯЛ ЛИ ЛЕОНИД ПЕТРОВИЧ ЕШИН ФОРМАЛЬНО В КАКОЙ-ЛИБО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ?
- 3) НЕТ ЛИ В ВАШЕМ АРХИВЕ КАКИХ-ЛИБО БЕССПОРНЫХ ДОКУМЕНТОВ, КОМПРОМЕТИРУЮЩИХ ЛИЧНОСТЬ ЛЕОНИДА ПЕТРОВИЧА ЕШИНА?

Как сообщил мне известный Вам Василий Михайлович СЕМЕНОВ, в Бийском архиве никаких документов о ЛЕОНИДЕ ПЕТРОВИЧЕ ЕШИНЕ НЕТ.

Не откажите в любезности, сообщите мне ответы на приведенные выше вопросы, а также другие сведения, которые сочтете полезными для меня.

МОЙ АДРЕС: СССР, ГОРОД НИКОЛАЕВ ОБЛОСТНОЙ, УЛИЦА МАРХЛЕВСКОГО, ДОМ № 8, КВ. 21. ТОПОРОВУ АДРИАНУ МИТРОФАНОВИЧУ.

С ГЛУБОКИМ УВАЖЕНИЕМ А. ТОПОРОВ»⁶⁹

«4 февраля 1967 года
Гор. Николаев обл., СССР

ДОРОГОЙ ПЕТР АНТОНОВИЧ!

Вот только когда отвечаю на Ваше доброе письмо от 11 мая 1966 года. Долго недужил от переутомления головы. Да и 75 годочков, видимо, берут свое. Да плюс шибко бурная жизнь моя. Много лечился. Кроме того, бешено вертелся в очередной литературной карусели. Немало времени ухлопал на ожидание книг З. Я. Двойных «Путь красноармейца-большевика» (Москва, 1934) и «Бийск социалистический» (Барнаул, 1965). Первую из них я заказал по МБА в Государственную Публичную Библиотеку имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, вторую – в Бийске. Добыл эти книги с трудом. Изучил. В этих книгах меня особенно интересовали суждения о моем учителе Леониде Петровиче Ешине. Кстати, он скончался 10 мая 1919 год в Бийске. Там и похоронен на городском кладбище.

А 14 сентября 1966 года в Ростове-на-Дону умер и его сын Андрей, лучший друг моей юности. Жена и сын Андрея, Валерий, живут в Ростове. Со мною держат письменную связь. Валерий – завед. кафедрой физвоспитания в финансово-экономическом институте.

Ради исторической правды, должен сказать, что о Леониде Петровиче Ешине в книге З. Я. Двойных сказано много совершенно ложного.

Внук его, Валерий, – большой следопыт. В 1963 году он добился разрешения изучать «дело» деда, хранящееся в Государствен-

⁶⁹ Ф. Р1382, оп. 1, д. 140. Орфография и пунктуация оригинальные.

ном Военно-Историческом Архиве (Москва). Леонид Петрович привлекался по знаменитому процессу «21» революционной организации «ВОЛЯ». Главарем ее был известный революционер Герман Лопатин.

Приведу выдержку из письма Валерия Ешина ко мне от 27 апреля 1963 год: Я прочитал кучу «дознаний», снятых с Леонида Петровича, с его товарищей, очень много донесений агентов жандармерии, решений о тайном надзоре полиции и т.д. Все документы свидетельствуют о целенаправленной и постоянной деятельности деда и его товарищей в народовольческой организации «ВОЛЯ»...

Документы процесса «21» точно характеризуют политическое лицо Л. П. Ешина. Укажу еще на один документ, говорящий о том же.

Доцент, зав.кафедрой литературы Тамбовского педагогического института Борис Николаевич Двинянинов писал покойному моему другу Андрею Леонидовичу Ешину: «... Дело в том, что долгие годы, работая над творчеством и биографией П. Ф. Якубовича (Мельшина - А. Т.), естественно, должен был столкнуться с Л. П. Ешиным: они судились 1887 году по одному политическому процессу в Петербурге, известному как «Процесс 21-го» (Лопатинский). Это огромное «дело» состоит из 47 частей, а некоторые части имеют и томы. До войны оно хранилось в Ленинграде, а теперь в Москве, в Центральном Военно-Историческом Архиве (Москва, 5, 2-я Бауманская, 3) ... Дознание о «Л. Ешине, В. Кирсанове» составляет том IX. Начато оно 4 февраля 1885 года, окончено 15 июля 1886 года., на 321 листе. Тут имеется шифр Ешина (лист 53, фонд 545, ед. хран. 298).

Ровно 10 лет назад я изучал это «дело»: захватывающий и неостывший материал. Лава! Какие характеры, какие судьбы!

В Рукописном отделе Пушкинского Дома (Институт русской литературы АН СССР) я обнаружил воспоминание А. И. Хлебникова о Якубовиче, где есть интересные детали о Л. П. Ешине, вашем отце...».

Копию приведенной выдержки из письма Б. Н. Двинянинова прислал мне А. Л. Ешин. В письме Двинянинова дано полностью воспоминание Хлебникова о следовании революционеров на ка-

торгу. Воспроизведено целиком и любопытное стихотворение Якубовича-Мельнина, посвященное Леониду Петровичу Ешину...

Я знал Леонида Петровича Ешина с 1910 года до конца его жизни. Познакомился я с ним в селе Старый Лецин, Тимского уезда, Курской губернии. С семьей Ешиных я и перебрался в Барнаул в августе 1912 года. Никогда на моей памяти Л. П. Ешин не был ни большевиком, ни меньшевиком, ни эсером. Двойных, а вслед за ним и В.Ф.Казаков жестоко лгали, причисляя его к той или другой из этих партий. Они ввели в заблуждение и Вас. В Вашей статье в книге «Бийск социалистический» (стр. 30) верно говорится, что 8 января 1906 года в Бийске были арестованы Завьяловым Ешин, Яхонтов и Петров. Весь эпизод ареста Вами описан совершенно правильно. Это подтверждается и письмом очевидца – сына Ешина, Андрея Леонидовича. Яхонтова я не знал, а с Василием Михайловичем Петровым был хорошо знаком в семье Ешиных, где он бывал часто. И он не был меньшевиком.

На стран. 32-й книги «Бийск социалистический» сказано верно, что Л. П. Ешин распространял революционные листовки, но не верно утверждение, что он был эсеком.

На моей памяти Леонид Петрович Ешин отошел от активной политической деятельности и не был организационно связан ни с какой партией. Но по своим политическим взглядам он был революционером-народником. А к какой ветви революционного народничества он идейно примыкал, – сказать затрудняюсь.

Василий Михайлович Семенов, бийчанин по роду-племени и знаток бийских революционных событий, в московских архивах установил: Ешин, Яхонтов и Петров в списках СД и СР не значатся.

З. Я. Двойных в своей книге «Путь красноармейца-большевика» утверждает, что во время войны 14-17 гг. он исключил в Бийске из рядов большевиков пять оборонцев, которые «ЧТО-ТО НЕВНЯТНО БОРМОТАЛИ». К ним он сопричислил и Л. П. Ешина. Чистая ложь! Л. П. Ешин во время войны жил с семьей в Барнауле.

В главе 2-й книги «Бийск социалистический», на страницах 35 и 36 напечатано, что 3 марта 1917 года в Бийске было вешание членов городской управы, что эсеры и меньшевики Пузырев, Ешин, Н. Круликовский восторженно приветствовали Временное правительство, поддерживали создание «Исполнительного комитета».

Эту ложь о Ешине историк Казаков «занял» у Двойных. Я хорошо знаю, что Л. П. Ешин переехал в Бийск из Барнаула, только в конце марта 1917 г., а семья его – 10 мая того же года. Как мог Л. П. Ешин быть в Бийске 3 марта на совещании членов городской управы?! Ни в какие комитеты, ни в члены городской управы ни в Барнауле, ни в Бийске Л. П. Ешин никогда не входил. В московских архивах сохранились списки членов разных партий, городской управы, общественных комитетов города Бийска 1917 года – и нигде в этих списках нет имени Л. П. Ешина! Не было и позже...

ДОРОГОЙ ПЕТР АНТОНОВИЧ! На случае с Л. П. Ешиным Вы видите, как опасно доверять многим так называемым «документам». Надо, оказывается, знать, кто составлял эти «документы» (протоколы, донесения, книги и проч.) и в каких отношениях находились составители с теми лицами, о которых они писали «документы».

Возьму ближайший пример – себя. Если Вы прочтете все «компрометирующие «меня» «документы» из Косихинского районного и, возможно, Барнаульского архивов, то они представят Вам меня как чудовище обло, стозевно и лаяй! Если поверить этим «документам», то меня давным-давно стоило стереть с лица земли, как самого ужасного контрреволюционера! Кто же стряпал эти «документы»? Да все те самодуры, мракобесы, завистники, лентяи, невежды, воры, потомственные кулаки, примазавшиеся к партии авантюристы, которых я бесстрашно и нещадно громил в печати и на собраниях, не взирая на чины и звания! Они-то всегда ели меня поедом, снимали с работы, стремились не мытьем, так катаньем выжить из Сибири. Наконец, политически оклеветав меня в черном

1937 году, отправили в сталинскую каторгу. И только в 1958 году Верховный Суд РСФСР полностью реабилитировал меня. А после полета Германа Титова в космос поняли люди, что моя культурбота была архисоветской, партийной, образцовой. Слава Аллаху! Наконец-то поняли! А теперь правительство – СПАСИБО ЕМУ!! – назначило мне персональную пенсию союзного значения! За что? Да за ту самую работу, за которую косихинские, барнаульские и новосибирские головоотяпы выжили меня из Сибири в 1932 году.

Напомню Вам свеженький документ без кавычек. В № 11 журнала «Советская печать» за 1966 год напечатан очерк А. А. Аграновского «ВСТРЕЧА». Прочтите его, пожалуйста. В нем описана встреча с моим пожирателем – Кокориным Константином Петровичем. Из жалости к нему Аграновский не назвал его имени. Но оно названо в книжке В. В. Гусельникова «Счастье Адриана Топорова». Аграновский встретился с Кокориным в Барнауле в 1961 году. Может быть, мракобес жив и ныне. Так именно он был тупой и слепой дубиной, которая по приказу косихинских райголовоотяпов нанесла мне осенью 1931 год последние удар.

В беседе с Аграновским Кокорин многое соврал, многое скрыл. Соврал он, что я стоял перед ним на судилище в райКК-РКИ. Никогда я там не стоял. Головоотяпы заочно сняли меня с работы. Их приказ выполнил зав. роно Ерунов. Кляузы шли от Кокорина. Они послужили основанием для снятия меня с работы.

Кокорин скрыл от Аграновского то, что он, захватив диктатуру в коммуне «Майское утро», приказал не выдавать мне и моей семье продукты. А их нельзя было купить тогда нигде. Значит, варвар рассчитывал уморить мою семью голодом! Его зверский приказ отменила только Краевая комиссия, прибывшая расследовать мое дело. Скрыл Кокорин от Аграновского, как он угрозами заставил райконференцию просвещения вынести постановление о предании меня показательному суду, о снятии с меня звания учителя, об исключении из профсоюза. И конференция такое решение вынесла.

Все дикие решения района обо мне были отменены СибКК-РКИ и Крайкомом профсоюза. Я был реабилитирован 13 апреля 1932 года. А головоотяпы получили нашлёпку.

Кокорин окулачил в «Майском утре» самых активных коммунаров, бывших средников и бедняков. Я действительно защищал их. Но их все же выселили. А Центральная комиссия всех их вернула в коммуну, как незаконно окулаченных. Я был прав. Вот эти последние факты и скрыл подлец Кокорин от Аграновского.

ПЕТР АНТОНОВИЧ! От мракобеса Кокорина, несомненно, много документов обо мне хранится в архивах. Какую же истину откроют они исследователям былого?!!..

Эх, Петр Антонович, при личной встрече я мог бы рассказать Вам потрясающую исповедь одного весьма ответственного человека, к которому стекались все грязные явные и тайные доносы на меня в Косихе. Но человек этот был умен и честен. Он понимал истинные причины грязи, которую лили на меня мои враги, – и не поверил ей. А потому и оставил меня в покое. Эту исповедь он сделал в последний час моей жизни в Косихинском районе...

А книга «Первые испытания» – хороша. Читал я ее со тщанием. Об этом кратко написал добрейшему Фоме Павловичу Елькову.

Ну, будьте здоровы и во всем благополучны. Сердечный привет Вам, всем Вашим соавторам и Римме Степановне.

С глубоким уважением А. Топоров»⁷⁰

С 1954 года Пётр Антонович переключился написание книжной серии «Борцы за власть Советов на Алтае». В этой серии у него вышли: историко-биографический очерк «И. В. Присягин» в 1957 году, литературно-биографические очерки «М. К. Цаплин» в 1959 и «П. К. Голиков» в 1963. А между ними, в 1960 году, была издана книга «С. И. Гуляев (жизнь и деятельность)».

⁷⁰ Ф. Р1382, оп. 1, д. 140. Орфография и пунктуация сохранены.

С этой серией связан интересный случай. Очерк об М. Цаплине вышел в 1959 году, а через 10 лет, в июле 1969 года, из московского издательства «Политиздат» на имя Н. Дворцова, ответственного секретаря отделения писателей, пришло письмо: «Уважаемый Николай Григорьевич! Нам стало известно, что писатель Пётр Бородин написал рукопись о руководителе алтайских большевиков Цаплине М. К. Поскольку наше издательство выпускает серию художественно-документальных повестей «Пламенные революционеры», нам хотелось бы ознакомиться с рукописью т. Бородинкина. Просим Вас передать ему нашу просьбу прислать нам рукопись, а если это почему-либо неудобно, не откажите в любезности сообщить его адрес и полное имя. Заранее благодарны Вам, ст. редактор Г. Малинина».⁷¹

История для Петра Антоновича была не просто увлечением. Он жил ею. По воспоминаниям супруги Ирины Андреевны и сестры Клавдии Антоновны, в послевоенной жизни Петра Антоновича не было и дня, чтобы он не думал о своих исторических исследованиях. Даже когда делал что-то по дому: изготавливал наличники, колол дрова или перекладывал печь – мысленно постоянно работал над каким-либо материалом, обдумывал характер, сюжет, выстраивал события. А если находил интересный или важный для него исторический факт, связанный с Барнаулом или Алтайским краем, непременно делился радостью с близкими людьми, а затем садился за чистый лист и писал статью в газету «Алтайская правда». Перечислим наиболее важные работы Петра Антоновича по истории, опубликованные в краевой газете:

- «Вторая родина», об учёном Ф. В. Геблере (16.06.1973 г.);
- «Дважды дорого», о революционных событиях в Барнауле в 1905 году (05.03.1975 г.);
- «В глубоком тылу», о съезде представителей восставших селений в селе Леньки в 1919 году (03.07.1977 г.);

⁷¹ Ф. Р485, оп. 2, д. 33.

- «Надлежит быть городом...», о Барнауле в 18 в. (16.02.1979 г.);
- «Уголок Петербурга», об истории зданий на площади Пионерская (с 1993 года пл. Демидовская), статья опубликована 22.06.1979 г;
- «Имена наших улиц», об улицах Барнаула (13.07.1979 г.);
- «Из истории горного города», о преобразовании Барнаульского посада в город в 1771 – 1893 гг. (31.08.1979 г.);
- «Этапы большого пути», о партизанском движении на Алтае в период 1918 – 1919 гг. (09.12.1979 г.);
- «Иван Ползунов», под рубрикой «Их имена в истории города» (26.07.1980 г.);
- «Иван Кушевский», под рубрикой «Их имена в истории города» (30.07.1980 г.);
- «Яков Попов», под рубрикой «Их имена в истории города» о знаменитом архитекторе, создателе ансамбля Демидовской площади в Барнауле (31.07.1980 г.);
- «Степан Гуляев», под рубрикой «Их имена в истории города» (06.08.1980 г.);
- «Иван Присягин», под рубрикой «Их имена в истории города» (14.08.1980 г.);
- «Имя улицы», (25.02.1983 г.);
- «Делегат двух съездов», о ветеране КПСС Н. В. Ерушеве (22.04.1983 г.);
- «Экспедиция Шелегина», о научной экспедиции в Горный Алтай в 1745 году (18.10.1983 г.);
- «Исследователь Алтая», об учёном П. С. Палласе (15.12.1983 г.);
- «Без прошлого нет настоящего», опыт изучения и пропаганды памятников истории и культуры на Алтае (01.07.1984 г.).

Подводя итог деятельности Петра Антоновича на ниве краеведения по направлениям революционно-партизанского движения, горнозаводского дела, градоведения, хочется сказать, что собранный и систематизированный им материал – это огромный, бесценный вклад в изучение истории Алтайского края. Его труды и по сей день служат

основой для краеведов и, видимо, долго ещё будут оставаться таковыми.

ГЛАВА IV

Так получилось, что Пётр Антонович никогда не вёл дневников. Записных книжек его осталось больше дюжины, но в них все записи связаны с краеведением – адреса, телефоны, заметки об улицах, домах, заводах, фабриках. Например: в таком-то доме была колбасная такого-то. В таком-то доме продавался чай. По такому-то адресу находилась мастерская по пошиву платьев мадам такой-то. И нигде, ни слова, ни полслова не говорится, что же привело его к решению делить драгоценное время между краеведением и художественной литературой. Почти обо всех писателях Алтайского края мы знаем, кто, когда и почему начал заниматься стихами или прозой, а вот о Бородкине – нет.

Мы уже упоминали, что ещё со школьной скамьи он мечтал стать писателем. Но это, всего скорей, лишь красивая легенда, созданная самим Петром Антоновичем. В истории не сохранилось ни одного момента вплоть до начала шестидесятых годов, когда Пётр Антонович хотя бы попытался создать какое-нибудь литературное произведение. По крайней мере, нам не удалось найти, а мы искали тщательно. Но есть одно интервью, опубликованное в газете «Алтайская правда» 12 июля 1978 года к юбилею писателя, в котором Пётр Антонович говорит: *«Помнится, ещё в 16 лет я послал в журнал «Охотоведение в Сибири» свой первый охотничий рассказ... Напечатали. Это вдохновило»*. Значит, пытался писать Пётр Антонович прозу со школьной скамьи, но только не с четвёртого класса.

С первыми, пробными художественными произведениями Петра Антоновича читатели имели возможность

познакомиться в газете «Алтайская правда». Газетные публикации, как правило, в зачёт не брались, и художественная критика их не заметила. Не удостоились они внимания и профессиональных писателей. А вот произведения, над которыми Бородкин и редактор поработали серьёзно, были опубликованы в 1962 году в альманахе «Алтай» № 2. Это три новеллы – «И бит, и жалован», «Любой ценой», «Раскрытая уловка» – основанные, как и все последовавшие произведения писателя, на исторических материалах. Вот эти три новеллы заставили писателей посмотреть на Петра Антоновича, как на серьёзного литератора. Одним из первых, кто обратил внимание на Петра Антоновича, как на писателя, был его одноклассник Марк Юдалевич. Он же сподвиг Бородкина собрать все опубликованные в газетах новеллы и подготовить их к изданию отдельной книгой и сам вызвался помочь.

Как мы говорили, если Пётр Антонович брался за какое-либо дело, то выполнял его с полной отдачей, не считаясь со временем. Так же и со сборником рассказов. Менее чем за полгода они были собраны, переработаны и сданы в издательство в конце лета 1962 года. Общественным редактором и автором вступительной статьи, как и следовало ожидать, стал Марк Юдалевич. В конце лета 1963 года «Исторические рассказы о Барнауле» вышли к читателям. Дебют состоялся. А мог и не состояться. Дело вот в чём. Издать книгу в те годы было делом непростым. Во-первых, с рукописью должны были поработать три рецензента. Во-вторых, издание должны были рекомендовать писательская организация или крайком КПСС (крайисполком). Ну и ряд ещё не значительных, но обязательных процедур-ступенек. Марк Юдалевич к тому времени был заметной фигурой в литературных кругах и имел в Союзе писателей неплохие связи, которые он и решил использовать в помощь однокласснику. Они сделали так: подготовили рукопись и выслали её в Союз писателей СССР секретарю Правления Афанасию Дмитриевичу Салынскому, другу Марка Иосифовича. Расчёт оказался верный. Салынскому руко-

пись понравилась, и 3 августа 1962 года он направил секретарю Алтайского крайкома КПСС Кулакову Т.А. письмо, в котором просил поддержать товарища П. А. Бородкина и издать его сборник исторических новелл. Такие же письма были направлены в альманах «Алтай», в Главлитиздат и Министерство культуры РСФСР.⁷² Секретарь крайкома КПСС правильно отреагировал на просьбу из Москвы, от секретаря Правления Союза писателей СССР, тем более что его поддержало и министерство культуры республики.

И сборник увидел свет.

В те далёкие годы в «Алтайской правде» регулярно выходила рубрика «Издано на Алтае», в которой обсуждались печатные новинки. 28 сентября 1963 была опубликована статья «У истоков земли Алтайской» А. Пораделова о сборнике рассказов П. Бородкина. Автор писал: «Интересную и красочную форму отображения нашего далёкого прошлого нашёл автор «Исторических рассказов о Барнауле» – Петр Бородкин. В нашей сибирской художественной литературе это первый и, нужно отметить, удачный опыт... перед нами проходят картины жизни Алтая 18, 19 и начала 20 столетий: заселение края, захват императрицей Елизаветой Демидовских заводов, условия кабинетского режима, события первой русской революции 1905 – 1907 годов, предоктябрьские годы и борьба за Советы на Алтае...

Пожалуй, очень скромно П. А. Бородкин назвал свои новеллы рассказами о Барнауле. Фактически это книга о жизни целого края, наших прадедов, дедов и отцов...

На трёх-пяти страницах каждого рассказа автор сумел развить динамичный сюжет, показать суть конфликта, дать богатейший фактический материал из истории нашего края...

Секрет успеха автора – в глубоком знании истории нашего края, в удачном использовании народного говора, в экономном и умелом расходовании художественных средств.

К недостаткам сборника следует отнести отсутствие в его тематике ряда существенных исторических моментов.

⁷² КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 30.

Но этот упрек относится не столько к автору, как к издательству, поспекутившему на листаж. Поэтому-то многие интересные новеллы не попали в книгу.

Надо полагать, что 15-тысячный тираж «Исторических рассказов о Барнауле» разошёлся быстро». Предположение автора статьи сбылось. Сборник рассказов разошёлся по читателям очень быстро. Книгу обсуждали в школах, училищах, техникумах, институтах и, конечно же, в библиотеках. Автору присылали письма с благодарностью за интересный сборник и с пожеланиями новых творческих успехов. А вот один из барнаульских читателей, пенсионер, подполковник запаса И. Киселев написал на сборник рецензию «Это было в Барнауле...», которую опубликовали в «Алтайской правде» 04.01.1964 года под рубрикой «Читатели о книгах алтайских писателей». Приводить всю рецензию не будем, а вот пару выдержек дадим: «Я никогда в жизни не писал рецензий. Обычно поделишься мыслями о прочитанном с приятелями, семьёй – вот и всё. Но сейчас я прочитал «Исторические рассказы о Барнауле» П. Бородкина и решил, что нужно обязательно порекомендовать прочесть и другим.

Автор кропотливо собрал и обобщил большой исторический материал о деятельности людей, боровшихся за Советскую власть во имя счастья настоящего и будущего поколений. И что ещё замечательно – книга Бородкина читается легко, с исключительным интересом...

Не стоит пересказывать все эпизоды... Её нужно прочитать, и тогда еще сильнее и ярче почувствуешь, каким прекрасным людям обязаны мы своим счастьем, что за замечательное время, в котором мы живём».

Это отзыв рядового читателя-земляка. Несколько поиному подошёл к оценке книги новосибирец А. Толстых. В статье «Из истории родного города», опубликованной в № 2 журнала «Сибирские огни», он пишет: «... В лучших рассказах П. Бородкина чувствуется художник, умеющий из факта извлечь смысл, передать обстановку, заразить читателя своим настроением. Но есть и такие, как «Записки академика Палласа», «Раскрытая уловка» или «Оборванная нить», описа-

тельные и мелкие по теме...». А. Толстых оценил книгу не только как читатель – интересны или нет рассказы, но и обратил внимание на писательский дар автора. Отметил достоинства и указал на недоработки. В конце статьи А. Толстых, несмотря на слабые (на его взгляд) рассказы, всё-таки признаёт: «Книга П. Бородкина – явление отпадное, свидетельствующее, что писать о родном крае надо – ведь ценность настоящего познаётся через прошлое».

Тепло отозвался о книге и ещё один земляк Петра Антоновича – И. Казанцев в статье «Рассказы о Барнауле» напечатанной в альманахе «Алтай» № 3 за 1964 год. Вот как он характеризует работу П. Бородкина: «... Ему очень удаются диалоги, а речь персонажей насыщена поистине народной мудростью. Уже с первых страниц живо представляешь деревеньку Усть-Барнаульскую, её «избы, коренастые, бревенчатые, рубленные по-сибирски, в угол, с низкими потолками – для тепла в лютые зимы, речку, в «укромных заводях да чёрных омутах которой водилось немало хищной рыбы...».

На выход сборника отозвался А. Баздырев, чьё мнение для Петра Антоновича было весьма важно как профессионального литератора (в 1957 году А. Г. Баздырев окончил Литературный институт им. А. М. Горького). Во втором номере альманаха «Алтай» Баздырев опубликовал обзорную статью о прозе молодых писателей края «Новые имена, новые книги», в которой сказано и о сборнике Бородкина: «... Художественное воображение помогло ему (Бородкину – прим. наше) увидеть за строками прошений, писем, реестров и прочих частных и казенных бумаг человеческие судьбы, живые картины труда, быта в далёком и не очень далёком прошлом.

Об этом П. Бородкин и написал рассказы. Написал, соблюдая историческую достоверность, вводя иногда в текст даже выдержки из документов, и вместе с тем – увлекательно, образно.

Пока читатели, писатели и критики обсуждали «Исторические рассказы о Барнауле», Пётр Антонович, тем временем, написал и подготовил к изданию своё самое популярное произведение – повесть «Тайны Змеиной горы». Написана повесть была за два неполных года, на одном

дыхании – тринадцать авторских листов! И, как многие первые крупные произведения, повесть имела слабые места. Сам же автор, поставив точку, счёл свой труд готовым к изданию отдельной книгой и в начале января 1965 года поспешил в книжное издательство.⁷³

Рукопись попала к опытному и требовательному редактору А. Трескову. Александр Сергеевич поработал над «Тайнами Змеиной горы» основательно, и в начале марта она была возвращена автору с массой замечаний и пожеланий. Можно только догадываться, как это огорчило автора, но большинству замечаний и советов он внял и переработал повесть. Второй вариант лёг на редакторский стол в конце июля 1965 года. И вновь неудача – 16 сентября А. Тресков возвращает и этот вариант. Да, он признаёт, что произведение интересное, познавательное, но в таком виде его нельзя выдавать читателю. «Автору, – пишет редактор, – необходимо работать над стилистикой...» и приводит постраничные примеры огрехов.⁷⁴

Возможно, Пётр Антонович и поставил бы под сомнения замечания и пожелания редактора, если бы практически на те же недоработки в повести не указал и рецензент М. Юдалевич.⁷⁵ А уж ему-то Бородкин доверял.

На этот раз Пётр Антонович работал над рукописью долго – около года, и, наконец-то, обоснованные требования редактора, рецензента и интересы автора сошлись. Повесть была одобрена к изданию в декабре 1966 года, а подписана к печати только в феврале 1967 года. О том, что редактор, рецензент и автор трудились над повестью не зря, лучше всего говорит то обстоятельство, что «Тайны Змеиной горы» выдержали три переиздания и ни одно из них не залёживалось на прилавках.

Вернёмся к первому изданию. Тираж был сравнительно небольшой – тридцать тысяч экземпляров, но его хвати-

⁷³ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 30.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, Д. 252.

ло на всю страну. В середине марта 1967 года книга увидела свет, а в апреле уже пошли первые отзывы на повесть, и география их завидная – Москва, Челябинск, Горький, Томск, Ленинград, Николаев, Одесса, Белово, посёлок Первомайский Восточно-Казахстанской области и, естественно, из городов и сёл Алтайского края и Горно-Алтайска. Приведём выдержки из некоторых отзывов. Челябинск, В. Гуштин: «... Он открыл тайну Змеиной горы. Но это только небольшая часть большой истории освоения рудных богатств Алтая в прошлом... Историю рудного Алтая нужно писать. В ней много интересного, неразгаданного, героического, увлекательного. И писать эту историю должны писатели-историки Алтая». Из Горно-Алтайска, Н. Колтунова: «... У меня имеется своя библиотека, большинство её книг об Алтае. Повесть П. Бородкина «Тайны Змеиной горы» – самый ценный экземпляр в моей библиотеке». Из Томска написали семеро работников областного архива: «... П. Бородкин обладает даром архивиста-историка и литератора. Это позволило ему на основе архивных документов написать уже не одно литературное произведение... Спасибо большое за хорошую, интересную повесть».⁷⁶ Из Ленинграда Я. Жигалин, бывший начальник штаба партизанской Красной Армии Е. М. Мамонтова: «... Выпуск книги П. Бородкина «Тайны Змеиной горы» является удачей автора, так как она имеет большое познавательное и воспитательное значение...». Но самый оригинальный отзыв поступил лично автору от Адриана Топорова из Николаева, датировано письмо 27.04.1967 г.: «Дорогой Пётр Антонович!

За «Тайну Змеиной горы» – земно кланяюсь Вам стократно! Прочёл повесть единым духом и с упоением. Клянусь собакой! Скажу Вам по чистой совести: Вы создали жуткую, потрясающую книгу, которая живописует весь АД старинного рудного Алтая неизмеримо полнее и глубже, чем «Золотой клюв» Анны Караваяевой и сказы Александра Мисирева («След беглеца Сорочки»)».⁷⁷

⁷⁶ УГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 30.

⁷⁷ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 140.

Нужно ли говорить, как был горд и счастлив Пётр Антонович, получая такие послания!

Вместе с отзывами автору приходило много предложений и просьб выступить перед трудовыми коллективами, в учебных заведениях. Если сборник «Исторические рассказы о Барнауле» принёс П. Бородкину известность, то повесть «Тайны Змеиной горы» – славу.

Тем временем Пётр Антонович закончил повесть-летопись «Борцы, под знамёна!» и отнёс её в редакцию альманаха «Алтай». Легко догадаться, что новая работа повествовала о революционных событиях 1917 года. Учитывая своевременность – год пятидесятилетия Октябрьской революции – рукопись не залежалась на редакторском столе, а была опубликована к празднику, в третьем номере альманаха.

Став известным литератором, опубликовав достаточно книг, П. А. Бородкин серьёзно задумался о признании среди собратьев по перу, о вступлении в Союз писателей. Тогда стать членом Союза было непростым делом. Нужно было походить в кандидатах пару лет, получить не менее трёх рекомендаций от писателей, состоявших в Союзе не менее пяти лет, причем двое из рекомендуемых должны были жить не на Алтае. Само собой, новичок представлял в СП рекомендацию от общего собрания алтайского отделения Союза. Был и ещё один важный документ, входивший в пакет, – характеристика-ходатайство от крайисполкома. Нужно сказать, что Правление СП РСФСР к принятию в Союз подходило очень серьёзно. Присланные кандидатом произведения отдавались на рецензию трём экспертам, мнение которых было решающим, и далеко не каждого претендента принимали с первого раза. Из алтайских писателей, например, с первого захода становились членами Союза писателей каждый четвёртый и по каждому второму откладывали документы на общем собрании в Барнауле.

Вернёмся к приёму в Союз писателей Петра Антоновича. Общее собрание состоялось 26 апреля 1968 года. На повестке дня был один вопрос: рекомендация в члены СП П. А. Бородкина. В обсуждении кандидатуры будуще-

го члена СП принимали участие не только члены Союза, но и представители книжного издательства, краевого радиокомитета и литературного актива края. Высказаться мог любой, но право голосовать имели только члены Союза. О Петре Антоновиче говорили многие: Г. Егоров, Л. Квин, Н. Чебаевский, В. Серебряный, М. Кашников, А. Воейков, А. Тресков, К. Саранча, В. Казаков, В. Сергеев, И. Казанцев (гл. редактор АКИ), Н. Павлов, Н. Дворцов.

Н. Дворцов зачитал рекомендации С. Залыгина, А. Салынского и М. Юдалевича. Приведём выдержку из рекомендации С. Залыгина:

«...П. А. Бородкин – историк, по моим впечатлениям, один из самых знающих историков Сибири.

И литературное творчество Петра Антоновича тоже тесно связано с историей, очевидно, дальнейшая его работа будет развиваться в этом же историко-художественном плане.

К настоящему времени Пётр Антонович опубликовал около 20 рассказов в периодических изданиях Алтайского края, четыре книги биографических очерков в серии «Замечательные люди Алтая» (лучшей мне представляется книга «И. С. Гуляев». Алтайское книжное издательство, 1960 г., 110 стр.) и ряд рецензий.

Книга «Исторические рассказы о Барнауле», если судить по названию, только история, на самом же деле здесь наличествует художественный стиль, напоминающий Бажова, но достаточно самостоятельный.

Последняя и наиболее значительная работа Петра Антоновича – повесть «Тайны Змеиной горы» (Барнаул, 1967 г., 230 стр.), здесь опять-таки историк-исследователь сочетается с писателем.

Я рекомендовал бы эту книгу переиздать в Москве, а её автора вполне заслуженно принять в Союз писателей.

14.III.68 г.

С. Залыгин, член Союза писателей».⁷⁸

Характеристику от партбюро крайисполкома подписали секретарь И. Коробейщиков и Н. Дворцов.

⁷⁸ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 33.

Собрание в Барнауле закончилось единогласным решением – рекомендовать!⁷⁹ А 27 ноября 1968 года судьба Бородкина-писателя окончательно определилась в Москве – в протоколе заседания Правления Союза писателей РСФСР, подписанном председателем Л. Соболевым, было утверждено, что П. А. Бородкин стал членом Союза писателей.

В декабре Петру Антоновичу торжественно вручили членский билет за № 7894.⁸⁰ 6 февраля 1969 года Пётр Антонович вступил в Литературный фонд.⁸¹

Пока решался вопрос о вступлении в Союз писателей, Пётр Антонович подготовил к изданию сборник исторических рассказов о Барнауле «У истоков». По сути, это те же «Исторические рассказы о Барнауле», но сборник дополнился четырьмя рассказами: «Напралина», «Уголок Санкт-Петербурга», «На маскараде» и «Григорий Воинцев». Книгу не обошли вниманием. Писатель Г. Егоров оценил работу Бородкина в статье «У истока» в газете «Алтайская правда» 08.02.1969 года. Под названием «Истоки творчества» она была перепечатана в альманахе «Алтай» № 1 за 1969 год. Егоров писал не столько о новом сборнике, сколько о творчестве Бородкина: «... У Петра Бородкина нет эпических полнотен-монографий, нет в его произведениях захватывающих судеб суперменов и вообще нет у него ничего броского, рассчитанного на эффект. В его рассказах и в повести неприкрытая, ничем не прикрашенная жизнь минувших поколений...

... сила Бородкина в его владении неиссякаемым родником далёкого и близкого прошлого нашего края. Сила его творчества в исторической достоверности произведений. Пройдут десятилетия, многое из написанного сегодня уйдёт безвозвратно. А иные из книг Бородкина все еще будут стоять на полках. Потому что они нужны будут людям. Потому что они – частица прошлого их родного края». Г. Егоров, видимо, не был близко знаком с биографией Петра Антоновича, потому и появилась

⁷⁹ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 14.

⁸⁰ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 177.

⁸¹ Там же.

в статье строчка, которая, как рассказывали, развеселила Бородкина: «... Петр Антонович Бородкин – коренной сибиряк. Деды его жили и умерли на берегах великой сибирской реки...». Не жили деды Петра Антоновича и не умерли на берегах великой сибирской реки. Они, как мы знаем, родились и умерли на воронежской земле. Но описка Егорова сыграла положительную роль, произведения Петра Антоновича воспринимались читателями как будто они написаны человеком, впитавшим знания о Сибири с молоком матери.

Став полноправным членом писательской организации, Пётр Антонович практически с ходу вошёл в самую гущу её дел. Он, если судить по архивным документам, не пропустил ни одного собрания, где обсуждались новые книги или журнальные публикации. В декабре 1968 года Петру Антоновичу вручили членский билет, а уже 26 марта 1969 года на отчётно-выборном собрании писатели тайным голосованием его выбрали в Бюро отделения СП. Только что приняли – и сразу в Бюро.⁸² Событие не рядовое, выдающееся. Соль в том, что Бюро практически решало все дела в организации. Даже ответственного секретаря избирали не на общем собрании, а на заседании Бюро. Ведь в «главный» орган писательской организации Алтай могли на этом отчётно-выборном собрании попасть маститые, по тем временам, писатели – Павлов, Квин, Сергеев или Чебаевский. А наравне с Дворцовым и Юдалевичем выбрали новичка Бородкина. Значит, доверяли Петру Антоновичу и полагали, что он будет работать на благо отделения писателей с полной отдачей и добросовестно.

Избирался в состав Бюро Пётр Антонович ещё несколько раз. Менялись ответственные секретари, менялся состав, а Бородкин оставался. Надо сказать, что авторитет Петра Антоновича среди писателей был высок. Приведём один пример. Поэт В. Сергеев обратился в Бюро с заявлением направить его в командировку в Москву на месяц для доработки поэмы. Вопрос интересный. Много кому

⁸² КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 2, д. 34.

хотелось бы съездить в Москву на месяц за казённый счёт. И у всех находились веские причины – собрать материал для романа, поработать в архивах. Заявлений поступало много, а бюджет не безразмерный. Отказывали часто. Но Сергееву разрешили. Инициатором одобрения командировки выступил Бородин. Он первым взял слово на заседании 21 декабря 1972 года и попросил его поддержать, что Кудинов с Юдалевичем и сделали.⁸³ Кажется, ничего особенного, но есть в этом деле изюминка. В. Сергеев был человеком независимым, свободолюбивым и правдолюбивым и потому не пользовался любовью власть имущих. Но это было бы полбеды. Сергееву просто не везло со спиртным – стоило ему «принять на грудь», как, по закону подлости, рядом оказывался кто-нибудь из крайкома, крайисполкома, горкома или просто «доброжелатель», который тут же доносил о состоянии поэта куда следует, не забыв приукрасить ситуацию. Ну, не везло поэту Сергееву.

Вот один из многих примеров. На общем собрании писателей в президиуме сидел секретарь крайкома КПСС по идеологии А. Н. Невский. Решались вопросы, обсуждались произведения, и Невский жёстко прошёлся по интимным, как он сам выразился, стихам Сергеева. Иной бы на месте поэта вспотел, перепугался. Но Сергеев с ходу парировал: «... давно уже действует похоронная комиссия в отношении Сергеева...».⁸⁴ Согласитесь, так ответить секретарю крайкома в начале семидесятых был способен далеко не каждый.

На самом же деле горячительные напитки Сергеев любил и употреблял не больше других, а, возможно, и меньше. Но суть не в этом. Пётр Антонович знал характер Сергеева, высоко ценил его поэтический талант и прекрасно понимал, что, помогая ему, «вызывает огонь на себя». Но, тем не менее, решил поддержать. Очень кстати вспомнилось нам здесь крылатое изречение советского поэта и переводчика Льва Озерова:

⁸³ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 2, д. 50.

⁸⁴ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 2, д. 74.

*«Талантам надо помогать,
Бездарности пробьются сами» (опубл. 1965).*

И за эту черту характера Петра Антоновича уважали и ценили.

Вернёмся к творчеству Петра Антоновича в 1968 год. В том году он впервые в своём творчестве обратился к непривычной для него теме – охотничьей. Написал рассказ об утиной охоте – «Непростительный случай». Короткий динамичный рассказ. Опубликован он был в двух сборниках – «Родная природа» и «На перекате» в том же году. Отход от «родной» для писателя темы – находка для критика. Но, на удивление, рассказ остался незамеченным. Возможно, это был тот самый рассказ, о котором Пётр Антонович говорил позже в интервью, опубликованном в газете «Алтайская правда» 12.07.1978 г.

Пётр Антонович, тем временем, вновь погрузился в начало двадцатого века и создал два новых рассказа «Барнаульская «ходынка» и «Вспышка». Первый – о событиях на барнаульской пристани во время мобилизации в июне 1900 года, а второй – о погромах в Барнауле во время мобилизации 1914 года. Оба рассказа в стиле Бородинки – в основу легли подлинные события, на которые аккуратно, дабы не исказить историю, был наложен художественный массив.

Петру Антоновичу не нужно было выдумывать сюжеты, ломать голову над характерами героев, всё это он находил в архивных документах. Так же было и со следующим произведением – документальным рассказом «Подвиг Красного бойца Василия Зилотина», опубликованном в альманахе «Алтай» № 4 в 1972 году. Там рассказывалось о действиях кавалерийского эскадрона частей особого назначения в Горном Алтае по уничтожению банды. Шесть неполных журнальных страниц, динамичный острый сюжет. Но почему-то Пётр Антонович никогда не включал его больше в свои сборники.

В 1973 году в творчестве Петра Антоновича появилось новое направление – Центральная киностудия дет-

ских и юношеских фильмов им. Горького пригласила его консультантом на съемки фильма «Крестьянский сын», который планировалось снимать на Алтае.⁸⁵ 3 декабря 1973 года был заключён договор, и Пётр Антонович приступил к работе. Рассказывать о быте, культуре Сибири времён Гражданской войны он мог не часами, а сутками. Это же была его любимая тема. Тем более, что рассказчик он был прекрасный. Что ели-пили, в чём ходили, на чём спали, из чего тачали сапоги, шили головные уборы, какая утварь была в доме, одним словом, жизнь людей Пётр Антонович знал до мелочей, как городских, так и сельских. Да и само участие в съёмках фильма, несомненно, вызывало у него немалый интерес. Но по каким-то причинам с первого февраля 1974 года съёмки фильма были остановлены, режиссёра отозвали на киностудию.

Через некоторое время, видя, что съёмки могут не возобновиться, Пётр Антонович отправил на киностудию письмо, в котором предлагал оплатить выполненную часть работы. Дирекция киностудии, нужно отдать ей должное, без проволочек выплатила половину суммы по договору. А съёмки фильма новый режиссёр продолжил на Вологодчине.

Пётр Антонович продолжал «вспахивать» всё новые пласты истории края и занимался общественной работой. На конец 1975 года был запланирован IV съезд Союза писателей РСФСР. По всей стране в отделениях Союза проводились собрания, на которых избирали делегатов. Естественно, попасть на него хотелось многим, а мандатов предполагалось два. Один (с правом решающего голоса) – на деньги Союза писателей, а второй – в качестве гостя – за счёт местных средств. На учёте в отделении, на тот период, состояло 16 человек, на собрании присутствовало 14. Обсуждение кандидатур (разумеется, с участием представителя из крайкома) велось долго и горячо. В итоге в

⁸⁵ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 2, д. 173.

список для тайного голосования, были внесены фамилии Бородкина и Кудинова. Первый с правом решающего голоса, второй – в качестве гостя. По итогам голосования Пётр Антонович набрал 14 голосов, Иван Павлович – 13. Поехали оба.⁸⁶ Веским аргументом в пользу Петра Антоновича послужило персональное приглашение от Ю. Бондарева – секретаря партийной группы Правления СП РСФСР.⁸⁷ Разумеется, его кандидатуру поддержал и крайком. К слову о товарищах из крайкома партии. Участие Петра Антоновича в жизни писательской организации они поддерживали, хотя для этого нередко ему приходилось отвлекаться от основной работы на день, а иногда и на три, и на пять.⁸⁸

В 1972 году Пётр Антонович приступил к основному труду своей жизни – роману «Иван Ползунов», работа над которым продолжалась около восемнадцати лет. И до 1977 года Пётр Антонович плотно трудился над романом, а потому новых художественных произведений у него было немного. В № 4 альманаха «Алтай» за 1973 год были опубликованы рассказы «Федор Геблер» и «Добрый доктор». В № 1 «Алтая» за 1975 г. два рассказа – «Братство в борьбе» и «Редакторские приметы». Не густо. Даже если к этому добавить и переиздание повести «Тайны Змеиной горы» в 1976 году.

В следующем, 1977 году, Пётр Антонович опубликовал в первом номере альманаха «Алтай» серию рассказов о Ползунове: «Подсказ начальству», «Гиттеншрейбер» и «Вопреки присяге». И внимательный читатель понял – изобретатель «огненной машины» отныне прочно занимал мысли писателя-историка. В этот же год в краевом книжном издательстве у Бородкина вышел сборник исторических рассказов о Барнауле «Навсегда», в который вошли уже перечисленные рассказы. На две трети сборник состоит из ранее изданного, потому, видимо, и отклик

⁸⁶ ГККУ ГААК Ф. Р485, оп. 2, д. 66.

⁸⁷ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 67.

⁸⁸ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 2, д. 65.

в печати был только однажды – в газете «Алтайская правда» от 03.02.1978 года, автор А. Тимофеев. Статья называлась «Навсегда и прочно». Автор отдавал должное значению произведений, но не обошёл и некоторые, на его взгляд, недостатки: «... Это – небольшие рассказы об отдельных событиях, проходивших в Барнауле того периода. Но они дают по существу полную картину и иллюстрируют собой фон больших революционных событий страны... В ряде случаев, располагая богатым материалом, автор, к сожалению, недостаточно использовал свои способности и силу таланта в обрисовке образов И. Присягина и М. Цаплина, а ограничился лишь строгой документальностью и очень сжатым изложением событий».

Несмотря на некоторые другие просчеты, в целом книга получилась. Ценность сборника П. Бородкина «Навсегда» в том, что его рассказы, созданные на строго документальной основе, открывают новые страницы истории Барнаула, деятельности большевиков».

В этом же году Пётр Антонович издаёт в типографии «Алтайской правды» брошюру «Они боролись за власть Советов» о И. В. Присягине, М. К. Цапине и М. И. Ворожцове. По сути, это ранее изданные, но с небольшими исправлениями и дополнениями, биографии борцов за Советскую власть.

Одним словом, примечательного в творчестве Петра Антоновича в 1977 году ничего не произошло. А вот в следующем, 1978 году, в жизни Петра Антоновича произошло много знаменательных событий. Одним из основных стало то, что он возглавил делегацию писателей Алтая на Днях алтайской литературы на Украине. Состав делегации был серьёзный: П. Бородкин, М. Юдалевич, Г. Егоров, Е. Гушин, В. Башунов, Н. Черкасов, А. Адаров, Э. Палкин, Б. Укачин. Встречали нашу группу представители партийных и советских органов республики. И, естественно, представители республиканской писательской организации. Впечатления или, лучше сказать, официальный отчёт о работе делегации, Пётр Антонович опубликовал в «Алтайской правде» 22 июня.

К месту будет сказать, что во время этой поездки у Петра Антоновича с некоторыми украинскими писателями завязались настолько близкие дружеские отношения, что они не стеснялись обременять его сугубо личными просьбами. Сохранилось письмо, где писатель Леонид Вышеславский, у которого в Барнауле проживала племянница, просил Петра Антоновича посposпособствовать ей в расширении жилплощади.⁸⁹ Удивительное дело. Пётр Антонович для себя стеснялся решить вопрос о благоустроенном жилище, а сторонним людям – помогал. В очередь на получение квартиры Бородкин был поставлен на заседании Бюро отделения писательской организации только 2 марта 1979 года!⁹⁰ И то – вторым с «хвоста». Вот это скромность: парторг, член Бюро в общей очереди почти замыкающий.

К юбилею писателя в 1978 году была переиздана книга «У истоков». В неё были включены практически все исторические рассказы о Барнауле, написанные Петром Антоновичем. Автор вступительной статьи Марк Юдалевич. А незадолго до дня рождения – 30 июня – в отделении писательской организации состоялось общее собрание. В повестке только два пункта: приём одного поэта в члены Союза и творческий отчёт Петра Бородкина о работе над романом «Ползунов». (Первоначально роман носил это название).⁹¹

Отчёт Петра Антоновича длился более часа. И это вышло за рамки обычного. Чаще всего литераторы успевают рассказать о своих итогах и планах минут за пятнадцать-двадцать. Творческие люди вообще с большим удовольствием рассказывают о своей творческой лаборатории и редко интересуются делами собратьев. Так, похоже, устроено большинство из нас. Но в тот раз всё было иначе. Во-первых, сам автор был великолепным рассказчиком, во-вторых, тема интересная. И получился не доклад Бо-

⁸⁹ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 75.

⁹⁰ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 2, д. 76.

⁹¹ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 2, д. 91.

родкина, а заинтересованный разговор. Многим хотелось узнать, откуда автор взял сюжет или диалог? Сам выдумал или в архивных документах нашёл? Какой период жизни Ползунова будет показан в романе? Под конец некоторые из писателей предложили даже издать будущий роман в серии ЖЗЛ.

12 июля в газете «Алтайская правда» вышла статья «Родного края верный гражданин» А. Жарова. Рассказывая о писателе и его литературных работах, автор писал: «... работая над новым романом об И. И. Ползунове, Пётр Антонович составил обширную картотеку: какая была в то время одежда, какую пищу люди употребляли, какой утварью пользовались. Но никогда в книгах П. А. Бородкина исторические факты не становятся самоцелью, не нарушают художественного единства произведения».

В то же время писатель стремится не исказить действительные события, а дополнить их так, чтобы вымысел только способствовал основной цели его произведений – знакомству читателей с историей родного края...».

В том же номере «Алтайской правды» от 12 июля 1978 года П. А. Бородкин дал интервью журналисту Л. Кошкарёвой. Пётр Антонович рассказал о начале литературной деятельности и о работе над романом «Ползунов». Корреспондент задала вопрос: «Первая Ваша книга была посвящена истории Барнаула. Сейчас краевой центр готовится к своему 250-летию...

–... и Вас интересует, есть ли что-то новое у меня в связи с этой датой? В издательство уже отдана историческая повесть «Мост». Выйти в свет она должна к концу 1979 года. Повесть охватывает период в истории сибирского города от Февральской до Октябрьской революции. Какой это город – не указывается, но те, кто знает Барнаул, поймут, что рассказ о нём. У героя повести Войнова есть прототип – Г. Х. Воинцев. Почему «Мост»? Многие события здесь происходят в районе железнодорожного моста, соединяющего берега большой реки».

У повести «Мост» был трудный путь к читателю – дважды её возвращали автору на доработку, а когда, наконец,

сдали в набор и подписали в печать, оказалось, что годовой лимит книжного издательства выбран. В итоге повесть была издана только в первом квартале 1980 года. Пусть запоздалая, но всё же радость для автора. Но полного удовлетворения от выхода книги Пётр Антонович не получил. Новое крупное произведение, а ни читатели, ни критики, ни братья-литераторы не удостоили его своим вниманием. Автору, получавшему в начале творческой деятельности на свои первые книги сотни читательских откликов со всех концов страны, такое, конечно, было нелегко пережить и сложно понять – что в повести не так? Тот же самый сплав подлинной истории и художественности, что и в «Исторических рассказах о Барнауле», и в «Тайнах Змеиной горы». По какой причине «Мост» не лёг читателю на душу? Единственный, кто сказал о повести несколько слов – Марк Юдалевич. В журнале «Советский архив» № 7 в 1981 году была опубликована его статья «Государственный архив Алтайского края», в которой он рассматривает значение и роль документов Алтайского архива в художественных произведениях некоторых авторов – С. Залыгина, А. Караваевой, А. Салынского, В. Гришаева. О связи архива с творчеством Петра Антоновича Юдалевич, конечно, написал несколько больше, но о самой повести «Мост» только вот что: «В 1980 г. вышла повесть Петра Бородкина «Мост». В остром напряженном сюжете показывается нарастание революционных событий в сибирском городе, в котором легко узнается родной ему Барнаул. Фактической основой многих событий служат документальные архивные источники». И всё.

Как Пётр Антонович воспринял и пережил замалчивание новой повести, мы можем только гадать, но то, что он не опустил рук и не пал духом, это факт. На его письменном столе кроме романа о Ползунове находились в работе ещё три повести! «Не каждому дано» о семье Гуляевых⁹², «Заново возвращённый рудник» о Козьме Фролове⁹³ и «Предсе-

⁹² КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 91.

датель губкома партии» о И. В. Присягине.⁹⁴ Накопленный не одним десятком лет материал не давал покоя, и Бородин работал, работал. С головой окунувшись в творческий процесс, Пётр Антонович не заметил начавшихся проблем со здоровьем и упустил момент, когда медицина могла их решить. О его болезни мы поговорим чуть позже, а пока вернёмся к литературной деятельности.

Мы рассказали о Петре Антоновиче как о краеведе, общественном деятеле, рецензенте, писателе, хозяйственном руководителе. Стоит ещё упомянуть и то, что он помогал товарищам-писателям в шлифовке их произведений – рецензировал рукописи. Книжное издательство привлекало в рецензенты писателей, знакомых с описываемой темой, способных объективно работать с чужой рукописью. Для того чтобы понять, с какой требовательностью и в то же время бережностью Пётр Антонович относился к чужому труду, мы приведём его рецензию на повесть В. Шевченко полностью:

*«Рецензия на рукопись В. С Шевченко «Крях Кан-Току-ЭНА»,
(объем 15 авт. листов).*

Тема повести не нова. О войне с милитаристской Японией в 1945 г. писали многие авторы. Вместе с тем повесть В. Шевченко выгодно отличают от известных нам произведений многие достоинства как в содержании, так и манере письма.

Прежде всего хочется отметить философское и историческое обоснование милитаристских устремлений японского империализма, его притязаний на «мировое» господство над другими народами. Автор использует для этого легендарные истории богов, мифы, малоизвестные рядовому читателю. В этом отношении повесть имеет познавательное значение. В повести меньше всего говорится о масштабах развернувшихся боев. Зато бои воспринимаются через личные судьбы героев (Хуторенко, Маша, Яша и др.).

⁹³ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 94.

⁹⁴ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 101.

Поэтому повесть читается с большим интересом, поэтому выдержки из дневника Цин Суня и другие вкрапления, казалось бы, не имеющие прямого отношения к повести, не кажутся излишними, а наоборот дополняют, делают ее более интересной и познавательной.

Автор сообщает много интересных данных из истории японского и китайского народов, особого района Китая, дает истоки великодержавного шовинизма Мао-Цзе-Дуна, показывает отношения между СССР и Китаем. Интересны образы советских воинов Хуторенко сына и отца, Мариши, Яши и других.

Муж и жена, Олег Хуторенко и Мариша, центральные герои повести.

Их совместная жизнь коротка.

Боевые дороги того и другого расходятся, но сколько интересно в их судьбах. Жаль только, что автор развел их навсегда, а каждый из них – самобытная и цельная натура.

Достаточно вспомнить сцену посещения Хуторенко и Яшей «увеселительного заведения», его бесповоротное решение, когда уже «время пришло», выполнять приказ и полное недоумение хозяйки заведения, что ее «красотки» не в силах сделать «свое» дело с советским офицером.

Как видно, автор не ставил целью показ личных взаимоотношений героев. На мой взгляд следовало бы довести до логического конца развитие сюжетной линии Олег-Мариша. Впрочем, это дело автора.

Интересны образы китайцев, эмигранта князя Гоги. В них – глубокая народная философская мудрость.

На мой взгляд повесть Шевченко В. С. явится ценным пособием для всех, кто интересуется театром военных действий на Дальнем Востоке в 1945 году. Документальная достоверность, художественные достоинства книги являются тому порукой.

Авторский язык повести в целом грамотный, но есть и недостатки, на которых следует остановиться.

Прежде всего заметно стремление автора к краткому и порой не всегда понятному языку, к искусственному словоо-

бразованию и даже коверканью русского языка («заумные» слова). Остановлюсь на постраничных замечаниях.

Стр. 8-9 «Одни разгружаются, другие тяжелеют, как айсберги под скрип лебедек...» Почему должны тяжелеть «айсберги под скрип лебедек»?

Стр. 15 «И тогда вздрогнул катер, предупреждая беглецов предупредительной болванкой». Болванка – цельный металлический, неразрывающийся снаряд. Тут же говорится, что «снаряд разорвался в сотне метров от направляющей шхуны».

Стр. 16 «Нужен более тщательный досмотр». Осмотр и досмотр не одно и то же.

Стр. 18 Непонятно, что означает «доверчивая выпуклость груди».

Стр. 22 «Стук в дверь вышиб Олега из постели». Можно сказать гораздо проще.

Стр. 47 «Русоволосая русалка».

Стр. 48 Почему «Поцелуй впервые получался каким-то тревожным, недетским»?

Стр. 82 «... вздрагивали приземистые, похожие на задремавших мамонтов, кедры». Разве мамонт - приземистый?

Стр. 87 «Вдрызг промокшие ребята только теперь рассеянным снопиком света увидели какой шпарит дождь».

Стр. 88 «... и зазорил стоявшую неподалеку коренастую сосенку» и «... долго агонизировало дерево».

Стр. 89 «...взглянул на цифирь».

Стр. 94 «Пятиметровой ширины колонный путь... превратился в шумную просеку», и «... торя собственные тропы» и «... погружалась в западню – таежных хлябей пехота...».

Стр. 95 «...последеливневая мокрядь».

Стр. 101 «... дрожливой тошнотой в горле».

Стр. 111 «Чуть поотдаль от складов...».

Стр. 119 «Возрастал и ее приветственный напор» (толпы).

Стр. 122 «...от отошеренной желтозубой пасти».

Стр. 126 Разве в танковой бригаде всего двадцать пять танков?

Стр. 130 Что это за «растерянная метушня»?

Стр. 132 «хватив рисовой водки, солдаты выглядели молодцевато»? Так ли это?

Стр. 137 Таня, получив сквозное смертельное ранение, долго держится на ногах и разговаривает с Олегом. Не верится.

Стр. 145 «...к горлу подступала взрывчатая тошнота».

Стр. 150 «...позеленевших от нахальства муж».

Стр. 151 «... угрозиво подпирали вплотную подступившие сопки».

Стр. 185 «Дрожливое море».

Стр. 232 «До самой ровноты».

Замечаний по языку больше, чем указано в настоящей рецензии.

Автор их может устранить, тем более, что у него есть подлинно литературные обороты речи (в большинстве).

Повесть только выиграет в художественном (языковом) отношении, если автор избавится от нелитературных «кажись», «сноровисто», «городских пригородов» или сомнительных слов («метушня» и т. д.).

Надо сделать, чтобы вся повесть, а не отдельные её части, была написана добротным литературным языком.

На мой взгляд это не потребует от автора больших усилий.

Судя по всему, повесть уже есть и, надо сказать, неплохая.

Рецензент П. А. Бородкин 21.09.81 г.⁹⁵

Коротко и понятно. Автор, думаю, не обиделся. Ведь замечания все дельные, и в заключение Пётр Антонович очень по-доброму отзывается о рукописи. Более того, на декабрьском собрании он с трибуны сказал, что рецензировал новую повесть В. Шевченко и она ему очень понравилась.⁹⁶ Деликатный был Пётр Антонович. Отметим, что повесть В. Шевченко вышла в свет отдельным изданием только в 1987 году и с другим названием – «Последний тайфун». Автор поработал над ней крепко. Рецензия П. Бородкина, видимо, заставила его посмотреть на своё творение под другим углом.

⁹⁵ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 136. Орфография и пунктуация сохранены.

⁹⁶ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 2, д. 121.

Вернёмся к творчеству Петра Антоновича, но сначала расскажем об одном интересном эпизоде из жизни писателя. В те годы на собрания и заседания бюро писательской организации ходили строго с членскими билетами. И вдруг, собираясь на очередное заседание, Пётр Антонович не смог найти свой билет. Весь дом обшарил – нет документа. Подключил к поискам супругу – результат тот же. Делать нечего, пришлось писать заявление на выдачу дубликата. Процедура эта, надо сказать, была не особо приятной. Решение должно было принимать общее собрание писателей, которое и состоялось 11 февраля 1981 года. В результате в Москву ушло прошение о выдаче дубликата членского билета.⁹⁷ В этом обращении Алтайское отделение СП по каким-то своим мотивам слукавило. (Может, «потерял» выглядело менее солидно, чем «украли»). И было указано, что билет у Бородкина украден, поэтому на заседании секретариата Правления СП РСФСР 28 апреля 1981 года рассматривали *«Ходатайство Алтайской писательской организации о выдаче дубликата членского билета Бородкину П. А. взамен похищенного...»*⁹⁸. Только эти хлопоты оказались пустыми – 12 мая Пётр Антонович свой билет члена СП РСФСР всё-таки нашёл в ящике письменного стола, и дубликат получать не пришлось.⁹⁹

Болезнь давала о себе знать всё чаще и всё острее. Бородкин почти перестал выезжать на встречи с читателями края, ограничиваясь барнаульской аудиторией. Жила, как мы помним, семья Петра Антоновича в частном доме, а это всегда хлопотно. Летом ещё ничего, а зимой, когда нужно топить печь, носить дрова, уголь, расчищать снег, то жизнь в частном доме давалась с трудом. Пётр Антонович, как бы ему этого ни хотелось, стал подумывать об уходе на заслуженный отдых и о переезде в благоустроенную квартиру. Первый раз получить благоустроенное жильё через

⁹⁷ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 2, д. 76.

⁹⁸ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 2, д. 117.

⁹⁹ Там же.

писательскую организацию он попытался ещё в марте 1980 года, но получил отказ. Основание было чисто формальным – по тогдашним правилам после продажи частного дома должно было пройти пять лет.¹⁰⁰ А Пётр Антонович дом не продавал и не собирался, планировал оставить его как дачу. Справедливости ради, нужно сказать, что правила соблюдались не всегда так уж рьяно. Случалось, через Союз СП литераторы получали квартиру, и не одну. Но пойти навстречу писателю Бородкину не сочли нужным.

Что об этом подумал Пётр Антонович, можно только предполагать, но больше в родной Союз писателей он с просьбами не обращался.

В конце марта 1982 года Пётр Антонович, как начальник архивного отдела и секретарь партийной ячейки отделения писателей, на общем собрании прочитал развёрнутый доклад о работе архивного отдела крайисполкома. После доклада ответил на вопросы Николая Дворцова, Виктора Сидорова, Марка Юдалевича и Евгения Гущина.¹⁰¹ Это было, своего рода, прощание Петра Антоновича с работой в отделении Союза писателей. На этой же встрече он попросил освободить его от должности партийного секретаря. Просьбу удовлетворили. А в июне, учитывая заслуги Петра Антоновича в развитии литературы, краеведения и архивного дела, Лев Квин от имени Алтайского отделения СП, выступил с ходатайством перед крайисполкомом о назначении ему персональной пенсии республиканского значения.¹⁰² Крайисполком не только поддержал Л. Квина, но и, учитывая здоровье Петра Антоновича, выделил ему трёхкомнатную благоустроенную квартиру в новом доме на улице Северо-Западной в доме № 25. Пётр Антонович тогда пошутил: «Буду жить как Достоевский, на перекрёстке». Дом № 25 находится на углу Северо-Западной и проспекта Ленина.

¹⁰⁰ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 2, д. 76.

¹⁰¹ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 2, д. 136.

¹⁰² КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 2, д. 133.

Не удалось, к сожалению, семье Бородкиных оставить за собой дом на Горе, как мечталось – под летнюю дачу. По действовавшим тогда правилам его пришлось «сдать» в фонд крайисполкома.

С 7 декабря 1982 года в жизни Петра Антоновича наступила новая фаза – он уволился с работы в связи с уходом на пенсию и теперь имел возможность отдаться творчеству целиком. К тому времени роман «Иван Ползунов» был закончен и отдан в Алтайское книжное издательство. В том, что роман будет издан, автор не сомневался. Но сам путь от рукописи до издания оказался тернистым. Три рецензента нашли в романе много недоработок, как сюжетных, так и стилистических. Скрупулёзней других над романом поработал старший редактор книжного издательства Леонид Ершов. Его рецензию-заключение мы и приведём полностью:

«Уважаемый Петр Антонович!

Мы рассмотрели роман «Иван Ползунов». Находим, что вещь перспективная. О достоинствах говорить подробно не будем, поскольку главное сейчас – избавиться от тех недостатков, которые есть в романе.

Прежде всего, об образе главного героя романа Ивана Ивановича Ползунова. Он интересен для читателя и как обыкновенный человек со своими повседневными мыслями и житейскими заботами, и как юноша, пылко влюбленный в чудесную девушку, отвергшую его впоследствии, и как исполнительный чиновник, беспрекословно и старательно выполняющий волю начальства. Но все-таки он не просто человек, не просто влюбленный, не просто чиновник, а будущий автор гениального изобретения. Он этого еще не знает сам, изобретение еще где-то далеко впереди, тем более не могут знать о предначертании Ползунова окружающие его люди. Но мы-то, читатели конца двадцатого века, знаем, кем станет в будущем безвестный унтерхитмейстер, и, естественно, уже с первых страниц придиричиво ищем, выражаясь высоким штилем, отблеск грядущей славы, пусть даже посмертной, на его «челе высоко». Гений – он ведь только наивным, не очень разбирающимся в жизни людям кажется

обыкновенным человеком, таким как все. Но стоит приглядеться повнимательнее к его жизненному пути – и, как правило, уже с самого детства можно разглядеть какие-то особые отметины в характере, в способе мышления, в образе жизни, которые в итоге приводят его к необычному.

Наивно было бы полагать, что черты гения проявились в Ньютоне лишь тогда, когда рядом с ним на землю свалилось яблоко.

И еще одно: «гений и злодейство две вещи несовместные». То есть, бывают поступки, которые немислимы и недопустимы, когда речь идет о благодетелях человечества.

Наше знакомство с Иваном Ползуновым начинается задолго до того, как к нему явились мысли о будущей «огненной машине». Так оно, возможно, и было, что до приезда на Алтай будущий изобретатель об этом еще не задумывался. Но, по мере того, как он знакомился с плавильным делом, с работой заводских людей, шахт и так далее, какие-то первоначальные, пусть еще смутные, не вполне оформившиеся идеи, «первоначальники» должны были у него возникать. В романе же эти «первоначальники» почти отсутствуют. Лишь на странице 359, то есть уже далеко за половину романа, читатель узнает, что в книге, полученной от любителя чтения отца Василия, к «великому удовольствию Ползунова имелось краткое упоминание об огненных машинах». Почему – к великому удовольствию? Они что – занимают его больше прочих? До сих пор не видно было, что к машинам подобного рода, у него повышенный интерес.

Это мне представляется большим упущением. Следует, видимо, в двух-трех местах первой части романа показать, что вызвало повышенное любопытство у очень наблюдательного и буквально всем интересующегося Ползунова именно к паровым машинам. Как и где это могло произойти: то ли у плавильных печей, то ли дома, во время кипячения воды для самых что ни на есть бытовых нужд, то ли, наоборот, на природе, скажем, у костра? Это дело автора. Но дать такие вкрапления необходимо.

К тому же, если Вы дадите большую, чем сейчас, возможность проследить за ходом развития гениальной мысли Ползу-

нова, отпадает необходимость в довольно сложных и неоднократно повторяемых чуть ли не одними и теми же словами описаниях технического порядка. А они сложны для восприятия обыкновенного, не искушенного в технике читателя художественного произведения.

Теперь о гении и злодействе. Честный, правдивый, добрый, отзывчивый к страданиям и нуждам «нижайших», Ползунов вместе с тем является человеком своей эпохи и без излишних сантиментов воспринимает бытовавшие в те времена и представляющиеся нам теперь, с высоты наших гуманистических достижений, варварские наказания провинившихся батожьем и плетью. И это правильно. Писателю можно было бы предъявить серьезные обвинения в искажении исторической правды, если бы он приписал Ивану Ползунову бунтарство и протест против действительности только на том основании, что он гениально продвинул вперед дело развития теплотехники.

Но вместе с тем кое-где, вопреки воле писателя, из-за допущенных им неточностей психологического или сюжетного порядка, происходит некоторое смещение образа Ползунова совсем в другую, теневую сторону.

Пьяница канцелярист Мартын Вторый, выпив подряд две кружки медового зелья и оказавшись на самой высшей точке опьянения, занес увесистый кулак над гиттеншрейбером Яковом Базром. Ползунов вступился за своего сослуживца, да так, что Мартын рухнул на пол и «заревел истошно-визгливо, как перед казнью».

– На-а! Ко-о-ончай! Тво-ое пра-а-аво!

Поблудневший, но со спокойным лицом Ползунов медленно, с холодным металлическим отзвуком сказал:

– Лежачего, а пуце того пьяного, бить омерзительно!» (Стр. 44)

Благородно, убежденно, с достоинством.

Но вот через некоторое время Мартын Вторый обидел мать Ползунова Дарью Абрамовну. Что предпринимает оскорбленный сын? Он приглашает Мартына Второго к себе домой, расчетливо, как говорят теперь, с заранее обдуманым намерением, напаивает его, а затем, пьяного, избивает (стр. 299).

Было ли такое в действительности или же нет, но убежден, что в романе этого быть не должно. Во-первых, такой поступок Ползунова напрочь не согласуется с приведенными выше, полными благородства его же словами. Во-вторых, подобная мстительность вообще не в характере такого Ползунова, каким его рисует автор до и после этого случая.

В итоге как раз и происходит смещение образа в неверном направлении.

Вообще, вся эта история с оскорблением Дарьи Абрамовны выведена в романе многословно, грубо, прямолинейно, с излишними натуралистическими подробностями. Вероятно, нужно ее переписать наново, изрядно сократив, сняв с нее налет натурализма и, главное, бережно оградив от случайных нелестных мазков образа самого Ползунова.

Другой пример такого же характера.

На Красноярской пристани произошел несчастный случай. Концом согнутой плахи, сорвавшейся с слопнувшей веревки, ударило по спине и сбросило со штапеля Ползунова, да так, что он лишился сознания (стр. 200). Лишь через несколько дней смог он отправиться по вызову Христиани на барнаульский завод. На его спине густо чернела отметина от плахи, левая нога не ступала полностью на землю.

И вот Ползунов у своего начальника Христиани. Тот заметил хромоту и спросил, почему унтершхтмейстер при ходьбе припадает на левую ногу.

Взять бы, да и сказать правду. Что в том зазорного? Несчастный случай, не более.

Но Ползунов неожиданно для читателя почему-то отвечает:

«...Ногу в дороге малость ушиб. Суций пустяк. Из саней вывалился на крутом повороте» (стр. 221).

Почему? Какая потребность возникла врать? Испугался Ползунов? Чего? Хитрил? Зачем? Непонятно!

Вроде бы мелочь, а в читательское сознание вонзается, как заноза, мыслишка о неправдивости Ползунова. А ведь автор явно этого не хотел.

Еще один пример. Ползунов по ордеру канцелярии приказал солдатам наказывать плетью провинившегося перед односельчанами крестьянина Максима Токарева. Наказанный сильно обиделся и донес на Ползунова, что от горна, им самочинно построенного, сгорела изба, что живет он с женой Полиной не венчано и незаконно. И еще: Ползунов заставляет крестьян работать без денежной платы, к тому же он чинит обиды многим крестьянам и по его приказам солдаты из ружей и палками били свиней у крестьян, в том числе и у самого Токарева (стр. 428).

Из дальнейшего хода повествования читатель узнает, что первые два пункта, если можно их так назвать, доноса несостоятельны, и Ползунов тут ни в чем не виноват. А вот насчет третьего пункта, бесплатной работы крестьян и якобы чинимых им обид, так ничего больше и не говорится. Читатель остается в неведении; то ли обид никаких не было и это поклеп, то ли обиды крестьянам от Ползунова все-таки были, но начальство на этот пункт доноса никак не прореагировало, ибо тут никакого ущерба казне от действий Ползунова не усмотрело и не сочло нужным вступаться за «низких» людишек.

Во всяком случае, нельзя и это место оставлять не проясненным, так как здесь тоже набрасывается ненужная тень на Ползунова.

Теперь по другим образам и сюжетным линиям.

Экономными мазками сделан образ асессора Христиани. Одно лишь небольшое замечание. Христиани обращается к Ползунову, как и, по всей вероятности, к другим своим подчиненным на «ты». Это и понятно, учитывая разницу в их положении и возрасте. Однако вдруг (стр. 185) Христиани начинает уважительно называть унтершхтмейстера на «вы», хотя никаких особых оснований в романе для этого вроде бы нет. А затем опять, как ни в чем не бывало, продолжает обращаться к нему на «ты» (стр. 220) и дальше, хотя Ползунов уже достиг немалых успехов по службе и достоин уважения даже с точки зрения надменного асессора.

Слишком много места уделено второстепенному персонажу Мартыну Второму. Что же касается его похождения, связанных с распитием «хранпузского» вина со вдовой Анисьей

(стр. 200-209), то их, видимо следует вообще снять, – эпизод этот попросту вываливается из всего строя романа. Василий Комаров, интересно задуманный образ весьма прогрессивного для своего времени священнослужителя, почему-то незаметно исчезает из романа после того, как выхлопотал для своего друга Ивана Ползунова «венчальную грамоту». Думается, следует хотя бы как-то упомянуть о его судьбе. Но, возможно, и больше, чем только упомянуть, а действительно ввести в сюжет, скажем, во время болезни Ползунова. Кстати, умирает-то Ползунов не причащенным. Это, как кажется, в те времена было просто недопустимо, тем более, что умер он не внезапно, а после длительного тяжелого заболевания.

К сожалению, почти только одну вспомогательную роль играет служащий канцелярии Хлопин. Хотелось бы из уст его, думающего и просвещенного человека, услышать какие-то прогрессивные по тем временам суждения, пронаблюдать его дискуссии с Ползуновым на более отвлеченные темы, чем только служба, рыбалка и еда. И еще: через половину романа Хлопин проходит в качестве Ильи. Во второй половине – он уже Дмитрий.

В целом удались женские образы романа: Мавра и Полина. Здесь автора можно, пожалуй, упрекнуть только в чрезмерной велеречивости в описании Мавры: «Девушка... с неземной легкостью запорхала вниз по косогору» (стр. 33).

«Ее журчащий смех летал по комнатам или на вольном просторе вестником добра и полного счастья» (стр. 118)

«Завороженная таинственностью услышанного, Мавра смотрела на Ползунова широко раскрытыми, изумленными и немигающими глазами» (стр. 155).

Широко раскрытые, неподвижные или немигающие глаза Мавры с монотонным постоянством упоминаются во многих сценах.

Полине в романе повезло больше: она обрисована сдержанно, но ёмко. А вот мать Ползунова Дарья Абрамовна, обделена автором. Иногда она надолго исчезает из повествования. Довольно неожиданно, мимоходом, сообщается на стр. 432 об её отъезде на родину, где никого не оставалось у неё из родственников».

Чем же вызван в таком случае внезапный отъезд? Тем более, что, как думает Ползунов, годы матери немолодые, чтобы трясти свои кости по дорожным ухабам. Что же тогда послужило причиной поспешного, похожего на внезапное бегство отъезда? Нелады с невесткой Полиной? Ссора с сыном?

Несколько замечаний, касающихся сюжетного построения романа. В целом хронологическое развитие событий в романе об исторически достоверном лице кажется вполне обоснованным. Всякие сюжетные выкрутасы, пожалуй, осложнили бы главное: восприятие образа Ползунова в развитии.

Обратить внимание следует, как кажется, на последовательность повествования, когда используется прием «рассказа в рассказе». Например, на стр. 120-126 Ползунов рассказывает Мавре о своей поездке по приказу Христиани в «карательную экспедицию», как мы бы сейчас назвали, к заплывинским раскольникам и об их самосожжении. Этот «рассказ в рассказе», изложенный от автора, перебивается репликами Ползунова и Мавры, да так неловко, что путается последовательность событий.

Нечто подобное происходит и в эпизоде, когда Хлопин излагает события в жизни Мавры после отъезда Ползунова на Красноярскую пристань, о сватовстве к ней Фрола Походяшина (стр. 211-218). Неудачно построенное повествование приводит к нелепостям.

«Однажды на покосе Мавра отдыхала днем. Наблюдала и любовалась неровным легким полетом разноцветных бабочек. День выдался жаркий и безоблачный. Кузьма, заставший Мавру за бездельем, спросил:

– Послушай-ка, дочка! Всех бабочек не перечесть, а ведь дело есть! И ждет оно!

А ведь про все это вроде бы рассказывает Ползунову Хлопин. Не знает и не может знать он таких подробностей! Да и не этого ждет от него Ползунов.

Если снять сцену любовных походов после вкушения французского вина Мартыном Вторым, то эпизод сватовства Фрола можно поставить на место этой сцены, причем подать его от автора, не впутывая сюда Хлопина, излишне не осложняя. Тогда возникает железная логическая связь эпизодов.

Ползунов на Красноярской пристани падает, потеряв сознание от удара плахи. Мавра в Барнауле мечется между любовью к Ползунову и чувством благоразумия, которое подсказывает ей принять предложение богатого купца, и в конце концов уезжает к тётке в Томск, ощущая где-то в подсознании, что встречаться с Ползуновым ей не следует. Ползунов же, едва оправившись после несчастия, прибывает по вызову начальства в Барнаул и здесь узнает все про Мавру от того же Хлопина, но в коротком эмоциональном пересказе.

Хочется обратить внимание еще на две сюжетные натяжки, обе с «не узнаванием».

В первом случае (стр. 81-82) Ползунов идет на берег реки с надеждой увидеть полюбившуюся ему Мавру. На разбушевавшейся реке лодка, терпящая бедствие, в ней незнакомая женщина. Ползунов бросается её спасать, но в итоге сам едва не становится жертвой стихии. Его выволакивает всё та же незнакомая женщина из лодки. Он говорит с ней, но не узнает, пока та не произносит:

– Да очнись же, что с тобой! Или не узнал?

Оказывается, это... Мавра.

Подобное нарочитое «не узнавание», происходит и в конце романа (стр. 545-546). В посаде появился новый человек – Тимофей Галкин. Узнав, что Ползунов испытывает недостаток в мастеровых, он приходит предложить свои услуги. Происходит долгий разговор между ним и изобретателем «огненной машины». И тот никак не может признать в Тимофее Галкине...своего доброго и давнего знакомого Селезня, с которым дружит много лет.

Не спасает положения и появившаяся за время отсутствия у Селезня хромота, рубец на спине, изменённый голос.

Не стоит прибегать к сомнительному переодеванию в серьёзном историческом романе.

Теперь о языке.

Вы неплохо владеете словарем, лексикой, синтаксисом изображаемого в романе времени. Это касается как прямой речи героев, так и авторского языка, будь то изображение заводского труда, жизни посада или пейзаж.

«В душе Ползунова умножилось одно чувство – нетерпеливого ожидания встречи с Маврой. Оно безраздельно овладевало всем его существом»

«Переполненный напряжением ожидания»...

«Все существо, казалось, было переполнено счастьем встречи».

«Пережитое до этого не оставляло места в душе Ползунова стеснению или предосудительности в его действиях(?). Трепетно-волнующее ощущение близости Мавры отнимало способность думать о чем-либо, видеть окружающее».

Все эти примеры взяты со стр. 156-157. В романе подобных мест немало.

Что же касается многословия, то этим особенно страдают диалоги героев. Конечно, диалоги не надо сводить только к служебным репликам с целью двигать сюжет. Наоборот, мне представляется, например, что речам крестьян образное многословие придает особую прелесть, да и позволяет к тому же лучше почувствовать время. Но таких мест, когда персонажи, встречая друг друга, подолгу и скучно здороваются, произносят ни к чему не обязывающие фразы о погоде, о здоровье, так же вяло и обстоятельно прощаются, – таких мест в романе тоже немало. Иной раз большие пустоватые абзацы с пользой для повествования вполне можно заменить двумя-тремя ёмкими упругими фразами.

Случается, что Вы злоупотребляете словами, которые в наше время приобрели уже совсем другой смысл, чем имели в старину. Взять, например, довольно часто встречающееся в романе слово «помешательство» (напр, стр. 243), употребленное в смысле «помеха». Сейчас у нас слово это имеет лишь одно значение – сумасшествие. В словаре Даля его вообще нет. Но вполне возможно, что в восемнадцатом веке оно употреблялось именно в этом смысле – помеха, тем более, в документах. Но тогда, может быть, во избежание недоразумений, оставив слово «помешательство» в цитатах из официальных бумаг, не употреблять его в авторской речи и в речи персонажей романа?

Это же касается словосочетания «водное руководство» – в смысле зависимости заводов того далекого времени от нали-

чия рек, прудов и прочих источников водной энергии. Достаточно употребить его раз, объяснив какое ему придавалось значение, а в дальнейшем пользоваться уже современными терминами.

На стр. 285 говорится о вечеринке у Мартына Второго по случаю его «тезоименитства». Но словарь В. Даля определяет тезоименитство как именины высоких особ. В современном словаре русского языка сказано еще определённое: «Именины высокопоставленного лица, принадлежащего к царствующей Фамилии». Почему же такой чести удостоен канцелярист Второй?

В двух местах сделаны сноски, поясняющие не очень ясные современному читателю выражения. Вряд ли следует прибегать в художественном произведении к такому приему, более характерному для научной литературы. Лучше, если в этом есть настоящая необходимость, пояснить слово через контекст.

В романе довольно часто приводятся выдержки из архивных бумаг. Следует каким-то образом подчеркнуть подлинность, а не выдуманность документов. Может быть, воспользоваться тем же приемом – указать источники в конце книги? Это, нисколько не снижая художественности романа, придаст повествованию дополнительную силу достоверности. Все рецензенты обратили внимание на то, что последняя часть рукописи (примерно, начиная с 450-460 стр.) написана значительно слабее предыдущих. Отсюда, кстати, и претензии рецензентов, касающиеся показа встречи И. И. Ползунова с ученым Эриком Лаксманом, непрописанности образов учеников великого механикуса Левзина и Чернищина и так далее.

Над этой частью романа необходима еще серьезная работа. С уважением ст. редактор Л. Еришов. 14.02.1983 г.»

Думается, Пётр Антонович был расстроен, получив такой ответ из издательства. Доработка предстояла серьёзная, требовавшая немалых временных затрат. А вот времени-то, как раз, у Петра Антоновича и не было. Ему хотелось издать книгу к 65-летию. Обстоятельно всё обдумав, он отправился в издательство и заключил договор на переиздание повестей «Тайны Змеиной горы» и «Мост». 23 марта 1983 года книга была сдана в набор, а 15 июня подписана в печать.

Вернёмся к роману о Ползунове. На него Пётр Антонович возлагал большие надежды. Бородин был одним из немногих писателей на Алтае, кто ни разу не издавался за пределами края и в Москве. Он надеялся, что роман о Ползунове как раз и станет тем произведением, которое выйдет на всесоюзную орбиту. Во-первых, герой романа – знаковая фигура для России. Во-вторых, самого Петра Антоновича знали хорошо в Сибири и в столице. Первую попытку опубликовать роман в другом регионе он сделал весной 1984 года – выслал отрывок романа в журнал «Уральский следопыт». Но 12 июля от главного редактора пришёл отказ: «...отрывок из романа об Иване Ползунове... почти всё, о чём написано... уже было в своё время сообщено читателям «Уральского следопыта». И я, к сожалению, вынужден отказать в публикации».¹⁰³

В это же время Пётр Антонович выслал в журнал «Сибирские огни» своё новое произведение, повесть «Не каждому дано», о семье С. И. Гуляева. И опять была полная уверенность, что её опубликуют. Расчёт был на то, что это первое художественное произведение о всемирно известных краеведах, историках, этнографах, фольклористах, изобретателях. А младший Гуляев – Николай Степанович, ко всему прочему, был одним из учредителей и активных членов Общества любителей исследования Алтая. Но и здесь Бородин постигла неудача. 3 августа 1984 рукопись возвратилась с перечислением авторских недочётов. Редакция предлагала после устранения замечаний прислать произведение для дальнейшего рассмотрения.¹⁰⁴

Творческие неудачи усугубились проблемами со здоровьем. После ампутации ноги Пётр Антонович оказался в инвалидном кресле. Но он продолжал напряжённо работать. В 1984 году по инициативе писательской организации и книжного издательства было решено к сорокалетию Победы в Великой Отечественной войне издать

¹⁰³ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 171.

¹⁰⁴ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 91.

сборник произведений писателей-фронтовиков «Цена победы». Составителем был В. С. Шевченко. Пётр Антонович для этого сборника написал три новых рассказа о боях воинской части, в которой сам проходил службу: «Первые награды», «Подвиг разведчика» и «Связист Евсеев». Это единственные рассказы Петра Антоновича о войне. Ни до этого, ни после он не обращался к военной теме. Хотя, судя по рассказам, ему было что сказать, и сказать он это мог по-своему. Но...

В конце 1984 года, благодаря Льву Израилевичу Квину, с Алтайским книжным издательством был подписан договор на издание романа «Иван Ползунов». Кстати, рецензентом произведения был тоже Квин. Это воодушевило Петра Антоновича, и в начале 1985 года он предпринял ещё одну попытку издать роман «Иван Ползунов» за пределами края – выслал рукопись в Среднеуральское книжное издательство и в московское издательство «Советская Россия». Попытка не удалась – 3 октября 1985 года пришёл отказ из Среднеуральского издательства, а 16 декабря – из «Советской России».¹⁰⁵ После этого рукопись Пётр Антонович убрал, как говорится, в нижний ящик письменного стола и к ней не обращался.

В том же 1985 году в альманахе «Алтай» во втором номере была опубликована отвергнутая «Сибирскими огнями» повесть «Не каждому дано». Можно представить, как Пётр Антонович ждал отзывов, оценки, признания. Но ни одной строчки в печати не появилось. Устные-то отзывы, возможно, и были, а вот в прессе – нет. Получилось, что повесть осталась незамеченной, непрочитанной. Для писателя это было, думается, ощутимым ударом. Он годами собирал материал, обдумывал, писал, мучился над характерами, сюжетами и выходило – зря, если никого не заинтересовало, никого не тронуло...

С повестью «Председатель губкома партии» о И. Присягине, как и с предыдущей повестью, было не всё гладко.

¹⁰⁵ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 171.

Новосибирск и «Политиздат» отклонили рукопись. Алтайское издательство вернуло на доработку, но ни сил, ни времени на это уже не доставало – здоровье ухудшалось. Тем не менее, рукопись Пётр Антонович поправил и передал в издательство. Вновь вернули. Последний, третий вариант он закончил 5 июня 1985 года.¹⁰⁶ И этот вариант, в сокращённом виде, был напечатан в альманахе «Алтай» только через год после смерти автора – в третьем номере в 1987 году...

Роман «Иван Ползунов» всё-таки увидел свет. Вышел он из печати ко дню рождения писателя. Первым и единственным, кто отозвался в печати о новом произведении, был Марк Юдалевич. В «Алтайской правде» первого октября была опубликована его статья «Творец «огненной машины» (заметки о новом романе Петра Бородкина)», в которой он проанализировал всё творчество автора, а о новом произведении сказал: «... Глубокое знание жизни и быта Барнаула и Алтая прошлых веков позволило Бородкину нарисовать рельефную картину времени. В неё входит окружение Ползунова – колоритный, много повидавший рудокоп и плавильщик руд, вечный беглец, а в конце произведения один из строителей ползуновской машины Селезень... Беспечный и ленивый племянник главного командира округа Яков Безр, добродушный и хлебосольный канцелярист Дмитрий Хлюпин и полная его противоположность – вечно озлобленный, мелочный пьяница Мартын Второй.

Особо хочется сказать о языке произведения. Ни в словаре, ни в синтаксисе нет излишней архаичности. Но в то же время от всей словесной вязи романа веет далеким прошлым. Такую органическую, отвечающую авторскому замыслу языковую ткань мог создать только писатель, тщательно и не один десяток лет изучающий архивные документы...».

Роман о легендарной личности, гордости страны стал предметом обсуждения на читательской конференции в краевой библиотеке в ноябре 1985 года. Организаторы

¹⁰⁶ КГКУ ГААК Ф. Р1382, оп. 1, д. 101.

постарались провести встречу так, чтобы о новом произведении высказались люди разных профессий и сфер деятельности. Заслуженная артистка РСФСР Е. В. Скрипченко прочла отрывок из романа, да так, что у автора слёзы в глазах заблестели.

А Ю. С. Булыгин, кандидат исторических наук и доцент АГУ, сказал о произведении: «... Он найдёт признание и далеко за пределами нашего края. Это наиболее крупное художественное произведение, посвящённое истории Алтая, важный вклад в историческую литературу. Это первое художественное произведение, где Ползунов представлен не только как создатель «огненной машины», но и как многогранная, интересная личность. В романе живут и действуют все социальные слои населения Алтая XVIII века».

Давний друг Бородкина Марк Юдалевич в своём выступлении подчеркнул: «Пётр Антонович – пионер в художественном осмыслении жизни и творчества Ползунова...».

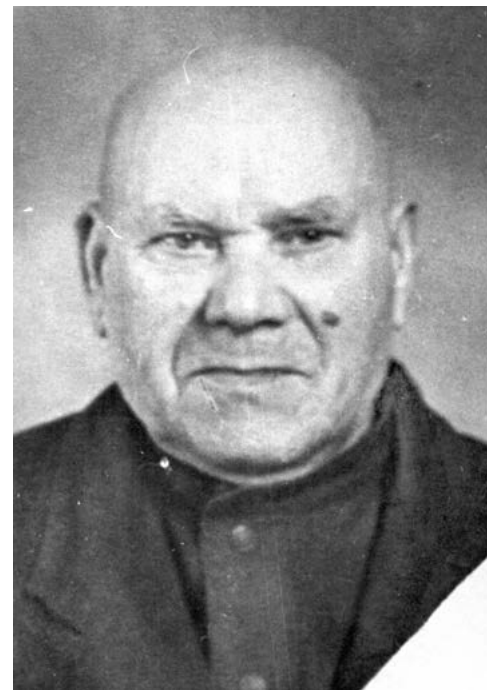
Тепло о романе высказались и высоко оценили его историческое и художественное значение кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Барнаульского педагогического института И. А. Калинина и директор краевого госархива Н. И. Разгон. К их мнению присоединились в своих выступлениях редактор книжного издательства В. М. Извеков, проректор по научной работе Алтайского института культуры Т. М. Степанская и доцент кафедры двигателей внутреннего сгорания Алтайского политехнического института Н. Л. Вагера. Естественно, что кроме официальных лиц выступали и рядовые читатели.

В ответном слове Пётр Антонович не только поблагодарил всех, но и поделился своими творческими планами, сказав, что работает над новой повестью об инженере и изобретателе К. Д. Фролове. Такая работа у Петра Антоновича, действительно есть – повесть «Заново возвращённый рудник». Объёмная рукопись хранится в Государственном архиве Алтайского края, и жаль, что она так и не вышла к читателю. А ведь это история края, произведение, сделанное профессионалом на основе первоисточников.

В конце мая 1986 года на квартире Петра Антоновича состоялось открытое партийное собрание отделения писательской организации. Для сохранения исторического факта, назовём всех, кто присутствовал на том собрании: М. Юдалевич, Г. Панов, Ю. Козлов, В. Гришаев, Э. Каценштейн, Е. Гуцин, Н. Черкасов, И. Кудинов. О партийных делах речи было мало, единственное официальное решение, что называется, для протокола: «сделать отчисления из гонораров в фонд помощи ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС». Тогда это была злободневная тема. А вот о работе Петра Антоновича говорили много. Были упомянуты и роман «Иван Ползунов», и журнальный вариант повести «Не каждому дано», и «Исторические рассказы о Барнауле»... Кстати, собрание это состоялось вскоре после выписки Петра Антоновича из больницы. На тот момент у него были ампутированы уже обе ноги, и общение, возможность почувствовать себя востребованным, так сказать в «обойме», писателю были просто необходимы.

Не стало Петра Антоновича 12 сентября 1986 года. Похоронили писателя на Власихинском кладбище Барнаула. Менее чем через год – 3 августа 1987 года – решением исполкома Барнаульского горсовета № 231 улица 1-я Северо-Западная была переименована в улицу имени П. А. Бородкина.

В мае 2017 года могила Петра Антоновича Бородкина была взята под охрану Алтайской краевой общественной организацией охраны памятников истории.

Бородкин Антон Андреевич

Бородкина Мария Касьяновна

П. А. Бородкин, 1936 год

П. А. Бородкин, 1940 год

П. А. Бородкин, 1942 год

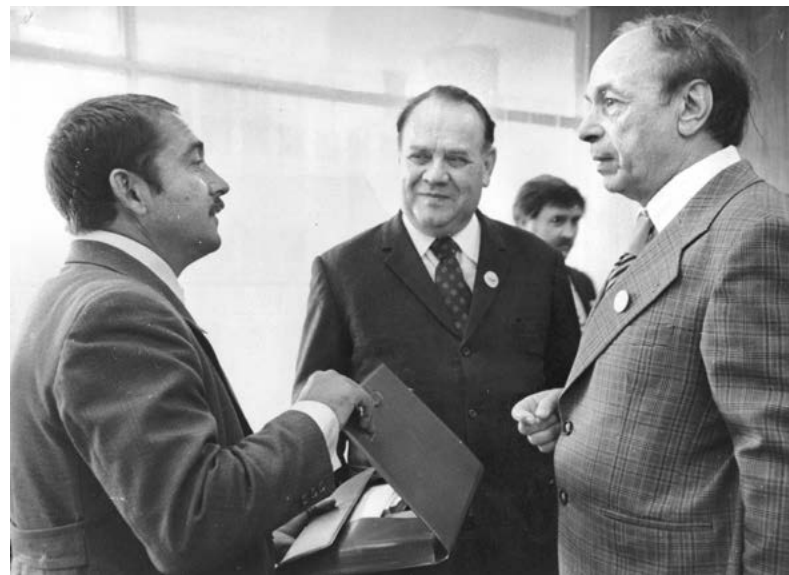
П. А. Бородкин, 1965 год

Дом, который построил П. А. Бородкин, Барнаул, пер. Колядо, 31а

Крайний слева П. Бородкин, 1978 год

П. Бородкин в центре, слева Н. Черкасов, 1978 год

П. А. Бородкин в центре, руководитель делегации, Львов, 1978 год

П. А. Бородкин в центре, Львов, 1978 год

П. А. Бородкин в центре

П. А. Бородкин в центре, встречи с читателями

П. А. Бородкин, на предприятиях края

П. А. Бородкин, творческая поездка в г. Рубцовск, на АТЗ

П. А. Бородкин, выезд в районы

Е. Гуцин и П. Бородкин несут венок, 1980 год

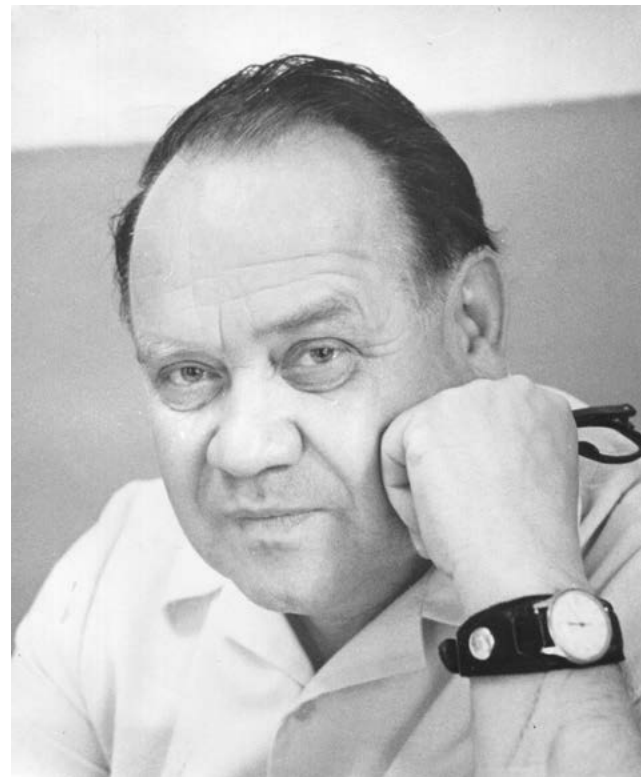
С микрофоном П. Бородкин, 1980 год

П. А. Бородкин во время выступлений перед читателями, 1980 год

П. А. Бородкин, творческая командировка в районы края, 1980 год

П. А. Бородкин, 1982 год

П. А. Бородкин, фрагмент творческой встречи

Шарж В. Бровкина

П. А. Бородкин в библиотеке им. Шишкова, 09.10.1985 года

П. А. Бородкин, на презентации книги «Иван Ползунов», 09.10.1985 года

Шнайдер Владимир

Шнайдер Герман

Книжная серия «Имена Алтая»

выпуск шестой

Пётр Бородкин

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Корректор: А. Бачурина

Верстка: Д. Тырышкин, Е. Мажаева

Подписано в печать 2.

Формат 1080×840/32. Тираж 200 экз. Заказ 0369.

Отпечатано в типографии

ОАО «Алтайский дом печати»

656043, г. Барнаул, ул. Большая Олонская, 28

тел.: 8 (3852) 63-79-71

adp@adp.alt.ru